

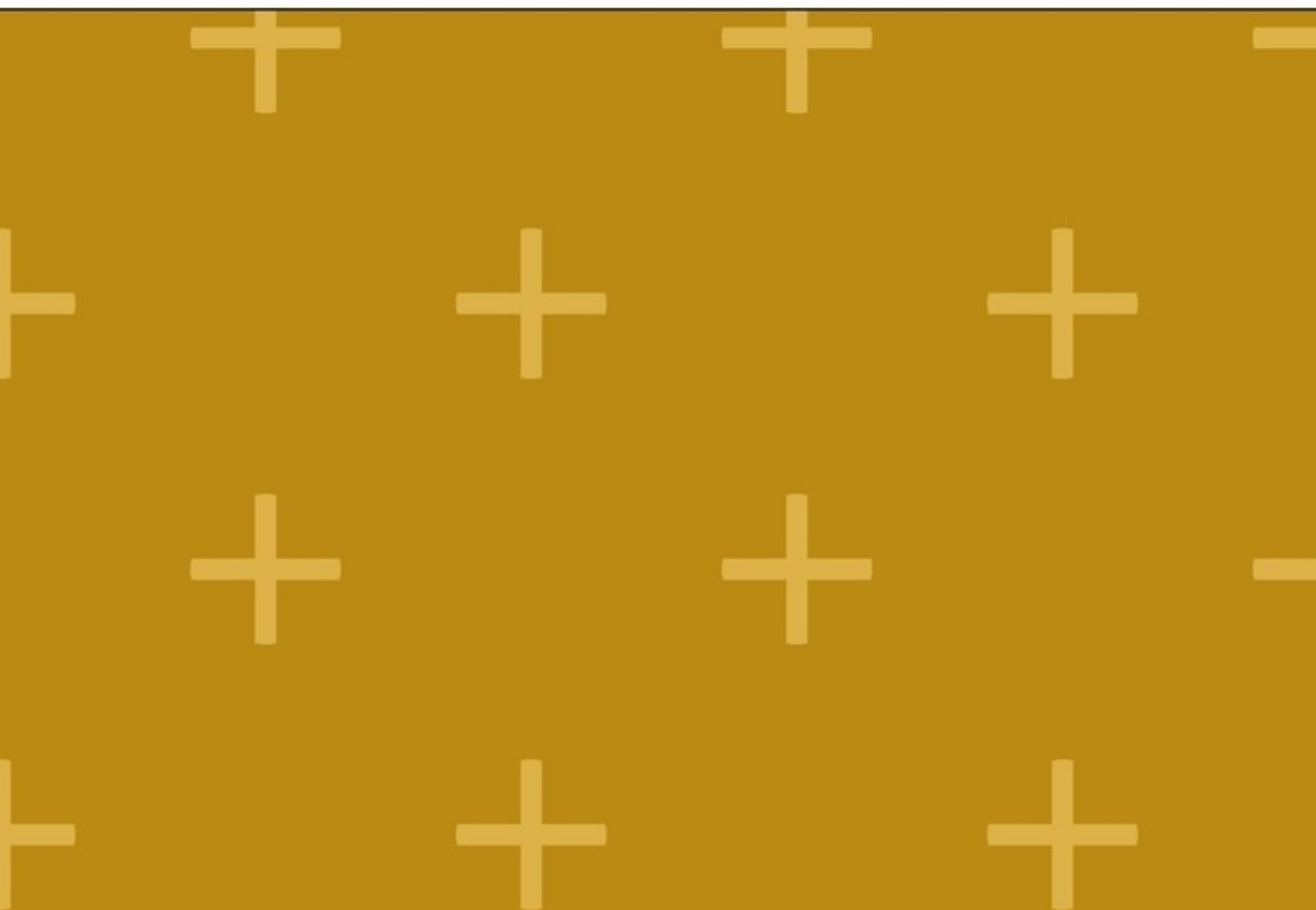
Виктор Старовойтов

Красный луг

Приключенческий роман

Виктор Старовойтов

**Красный луг.
Приключенческий роман**

«Издательские решения»

Старовойтов В. А.

Красный луг. Приключенческий роман / В. А. Старовойтов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833956-1

Приключенческий роман содержит ряд исторических фактов из жизни села Красный луг, рассказанных стариками. В книге описываются приключения и жизнь семьи Весниных, а также других жителей села.

ISBN 978-5-44-833956-1

© Старовойтов В. А.
© Издательские решения

Содержание

Обращение к читателю	6
Лягаево	7
Партийное поручение	12
Время любить	20
Важные события	22
Нечаянная радость	24
Красный луг	26
А жизнь продолжалась	30
А годы шли	32
Хуторяне	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Красный луг
Приключенческий роман
Виктор Андреевич Старовойтов

© Виктор Андреевич Старовойтов, 2016

ISBN 978-5-4483-3956-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обращение к читателю

Старовойтов Виктор Андреевич, родился 27 мая 1950 года в деревне Черлак Красноуфимского района Свердловской области. Вырос и стал полноправным человеком в посёлке Красный луг того же района. Детство и юность провёл на берегу реки Уфы, в тайге. В своём романе я не ставлю своей целью добиться полного исторического сходства с описанными событиями, хотя и не скрываю, что есть исторические факты, почерпнутые из книг и рассказов, встречавшихся на моём пути людей. Так уж получается, что в нашей повседневной жизни не происходит случайных встреч, все они для чего – то предназначены и чему – то служат. Мы довольно часто забываем о мимолётных встречах, но иногда они сами напоминают о себе, причём всегда неожиданно. И не судите строго за допущенные в рукописи неточности, ведь весь роман не что иное, как плод моего воображения, всего лишь приключенческая повесть о жизни, любовных приключениях главного героя Веснина Виктора, полная романтики, страданий и надежд

Лягаево

Окраина Пермской губернии, граничащая с Башкирией. Река Уфа, приток реки Камы. Всего лишь несколько столетий назад данная река по ширине и мощи своей не уступала той же Каме. Тогда в неё впадала река Сылва, да и было множество других водных источников, в том числе и подземных. Вода в реке была чистейшая. С древнейших времён на Южном Урале в мире жили женщины – воительницы Амазонки, они занимали большую территорию от реки Дона до Урала, старейшее племя хвостатых людей и веды, не считая различных переселенцев, пришедших в поисках счастливой жизни на Урал. Все эти люди многие века жили между собой в полной гармонии, пока в их судьбы не вмешались другие силы. Те люди знали истинную правду о Боге, общались непосредственно с ним напрямую, умели понимать язык зверей и прочих земных тварей, знали значение трав и другой растительности. Жили люди Урала по своим ведическим законам, не подвластные никому и ничему. Так было, пока князь Владимир, по прозванию Красно Солнышко, сам не принял новое вероисповедание-христианство и не начал с помощью наёмной силы внедрять христианство повсеместно по всей Руси. Ведов объявили язычниками и начали преследовать, насильно обращать в новую веру, а кто не подчинялся или обращался за помощью к силам Природы, тех объявляли ведьмаками и сжигали на кострах, убивали, сгоняли с обжитых мест. Веды знали, что Великий Разум – Бог создал людей по образу и подобию своему не рабами себе, а как своих детей друзьями и помощниками созидания мира Вселенной, для украшения планеты Земля. Поэтому, зная, что властители мира планеты – жрецы, вставили в учение Иисуса Христа новое слово «Раб», веды не захотели принимать новое вероисповедование, не хотели быть кому бы то ни было рабами. Добрались новые волхвы и поработители и до Урала. Обычно добирались на лодках по реке Сылве, загоняли жителей посёлков в воду рек и насильно крестили, одаривая нательными оловянными или деревянными крестиками. Тогда веды на сходе решили оградить свои поселения от непрошенных гостей, и в 1550 году вызвали землетрясение и горный сдвиг, перекрыв русло реки Сылвы. Сылва вынуждена была искать другой путь и стала непосредственно притоком реки Камы. Река Уфа несколько обмелела и стала судоходной для крупных судов только в весеннее половодье. Конечно, кто послабее духом оказался, тот принимал новую веру, а кто не пожелал – те покидали обжитые земли, селились в глубине бескрайней тайги-урмана по берегам таёжных рек и озёр, образуя свои посёлки. Были и такие, что селились под защитой змей в горных пещёрах, ставили по берегам оврагов землянки. Не сохранилось имён первых поселенцев, организаторов первых посёлков, но сами посёлки, не отмеченные даже на районных картах, жили веками и остались в памяти потомков тех, первых. После всяких правительственных перестроек и гонений на деревни, многие поселения исчезли с лица земли, но теперь на месте пустырей возникают новые сёла – дачные посёлки. Старых посёлков нет, но в человеческой памяти хранится название села, откуда мы и пришли. Не должны мы быть Ваньками, не помнящими родства, ведь у каждого из нас деревенские корни, даже если мы сегодня родились в городской многоэтажке, и стесняться этого не надо. Это есть наш Кусочек Великой Родины, где родились и жили наши прародители, отцы и деды. Итак, вот об одном таком посёлке я и хочу рассказать в этой главе. Скрываясь от преследований, на крутом берегу реки Уфы в таёжной глуши поселилась семья Ведов. Сначала была одна семья, но по мере подрастания детей, образования новых семей, рос и посёлок. Мужей и жён брали из соседних посёлков от таких же переселенцев или же сходились с башкирами. И в целом жили себе, не тужили, не зависимые от государства, по своим человеческим законам и общепринятой морали, устанавливаемой сельскими правителями-стариками. Было ли какое-то название у тех поселений, не известно. Земли принадлежали Башкирам, но новых поселенцев Башкиры не трогали из-за обладания Ведами великих тайн природы. Да-да, в то время сама матушка-Природа и все

твари были на службе Человека и поэтому лихие люди обходили ведовские селения стороной. В дальнейшем по мере строительства заводских посёлков на территории вотчинных башкирских земель земли те снимались в аренду, а зачастую попросту отбирались в пользу государства. Недовольные произволом царских чиновников, башкиры восставали против своих обидчиков и даже нападали на купеческий Кунгур и другие крупные поселения. В 1700 годах набеги обиженных участились и тогда начали создавать для защиты от них крепости. И уже в 1734—36 годах были организованы Красноуфимская, Ачитская, Кленовская, Бисертская и другие крепости. От Красноуфимской крепости по берегу реки Уфы были возведены сторожевые вышки-башни с казацкой охраной, которые непосредственно при помощи дымов и выстрелами из сигнальных пушек предупреждали следующие посты о появлении непрошенных гостей. Вооружение охраны предоставляло возможность на некоторое время сдерживать натиск врага, после чего охрана уходила в леса близлежащей тайги с чувством выполненного долга.

Красноуфимская крепость, организованная в 1734 году полковником Тевкелевым с командой солдат, постепенно разрослась и, после разгрома Крестьянского восстания под руководством Емельяна Ивановича Пугачёва, получила статус уездного города Пермской губернии. Город рос, строился, обрастал фабриками, заводами. Сохранились сведения, что солдаты Тевкелева сходились с аборигенами, хвостатыми людьми, сожительствовали с женщинами. Несмотря на великий разум хвостатых, и большие знания, они не прижились среди новых русичей, по мере приезда в город нормальных женщин от хвостатых стали избавляться. В результате они вынуждены были укрываться под землёй, в катакомбах под городом.

В городе стало хронически не хватать для строительства материалов, в частности был большой дефицит кирпича. Фабрикант Лягаев, хозяин спичечной фабрики, самолично отправил бригаду геологов по реке Уфе для поисков места, пригодного для выгонки кирпича и с plentifulным содержанием глины и речного песка. Лучшего места для нового заводика геологи не нашли, чем поселение Ведов. Не затрагивая селян, с разрешения старейшин села, заводик решено было поставить на луге за селом, там же был и пологий спуск к реке, что существенно облегчало загрузку кирпича в барки. Лягаев срочно отправил в село барками всё необходимое оборудование, рабочих с семьями, гужевого транспорт. В самом посёлке для приезжих ставились дома, проблем не возникало, жители были только рады новосёлам. И даже помогали обжиться на новом месте. Позднее посёлок стал называться по фамилии фабриканта – Лягаево. Кирпич барками поставлялся в Красноуфимск и в нижележащие сёла по реке, вплоть до города Уфы. Позднее в Красноуфимске начали своё производство кирпича и надобность в лягаевском кирпиче отпала, заводик прекратил своё существование. Люди тоже стали не нужны и кто переехал жить в город, а большинство остались. Название за посёлком осталось и прожило с ним до революционных событий Гражданской войны. На лугу остались развалины кирпичного заводика и котлованы с зелёной мутной водой, в которой даже лягушки предпочитали не водиться. От посёлка луг отгородился небольшой еловой рощицей и многие годы оставался пустым, не пригодным даже для пастбищ.

Долгое время связь посёлка с внешним миром держалась на лесных тропах да по реке. В город плавали на своих самодельных лодках, возили свои поделки на рынок и обратно везли купленное. По тропам ходили не только на рынок, но и в соседние посёлки; Усть-Маш, Черлак, Тавру, Бугалыш и т. д. Это только после Октябрьской революции и с приходом к власти большевиков, началось строительство дорог между сёлами... А за рекой простиралась бескрайняя тайга. Посёлок же жил своей жизнью; множились, строили дома, разводили скот и птицу, садили овощи, разводили пчёл. Река и тайга обеспечивали людей всем необходимым; орехами, ягодами, грибами...

Бывало, что в село заходили чужаки, в основном политические беглые, их старейшины принимали настороженно, предупреждали, чтобы не мучили народ пустой болтовнёй о лучшей жизни и, если человек принимал устои деревни, то помогали ему обжиться в деревне, сообща

строился дом. А если был холост, то пару сам находил среди деревенских красавиц. Деревенская веда амулет заговаривала, дарила прищельцу оберег, тем самым защищая его от царских ищеек и прочего зла. И, как я уже говорил, жизнью села руководили старики-старейшины, их решения выносились на сельских сход – собрание жителей села и путём голосования решения утверждалось и уже не подлежало в дальнейшем никакому обсуждению и исправлению. На сходе в обязательном порядке присутствовали все жители от мала до велика. И все имели право голоса. Любое дитё могло выйти в круг и высказать своё особое мнение. При этом никто не смел оговорить ребёнка, посмеяться над ним, оговорить и высказаться против. Если предложение ребёнка было не приемлемо в данный момент, ему просто и понятно объясняли, почему его предложение не может быть принято и что необходимо продумать для его принятия. Принятые на сходе решения больше не обсуждались и были обязательны для всех жителей без каких-либо ограничений. Молодёжь не притесняли, но и слишком вольничать тоже не давали. Дружно жили, друг друга не обижали и чужакам в обиду не давали. С молоду каждый мог постоять за честь свою и своего села. Обычай этот был занесён в село амазонками, потомки которых и по сей день живут в районе. Неукоснительно соблюдались и ведические обряды и обычаи, проводились они под неусыпным оком старейшей бабки ведуньи. Позднее, когда переселенцы пришли в село со своей христианской верой, начали принимать и проводить новые обычаи и обряды, не противоречащие укладу жизни села. Горе и радость встречали всем селом, никто не оставался одиноким в беде. Нуждающимся помогали всем миром, никому в помощи не отказывали, будь то цыгане или прохожий калика, лишь бы приходил с открытой душой, без камня за пазухой. Село славилось своими умельцами. На городском рынке спрос на сельские изделия был огромен и сельские жители в установленные дни на лодках, на лошадках и пёхом устремлялись в город, таща свои поделки. Особым спросом пользовался мёд из дуплянок, отличавшийся необыкновенным вкусом и запахом. Из липовой коры готовили мочало, плели верёвки, готовили банные мочалки и лапти. Из бересты делали туески под ягоды и грибы, коробки и шкатулки для городских модниц для хранения украшений и прочей домашней мелочёвки, из ивняка готовились корзинки и коврики, из конопли и крапивы шили грубую одежду, из пуха и шерсти скота готовили праздничную одежку, шерсть лошадей шла на изготовление войлока. Шкуры забитых животных шли в основном на продажу скорнякам, перо и птичий пух использовалось для подушек и перин городских модниц. Сами жители предпочитали почивать на матрацах и подушках, набитых лесными травами. Лошади, как тягловая сила завезённая Лягаевым, размножились и теперь имелись почти в каждом хозяйстве. Среди молодёжи стало традицией объезживать годовалых лошадей, готовить их к верховой езде и в упряжи. Этим занимались в зимнее время, всё же падать в снег со взбесившейся лошади куда приятнее, чем на твёрдую землю летом. На многие годы также сохранился молодёжный обычай собираться по вечерам на полянке у костра на берегу реки летом, а зимой по очереди в просторных домах села. Под балалайку или гармошку на этих вечерках пели частушки, песни, водили хороводы, танцевали и знакомились. девушки приносили с собой головки подсолнуха, вязанье, вышивку, дарили любимым свои изделия. В Лягаево на вечерки собирались и молодые люди из других близлежащих посёлков, особенно нравился посёлок парням, в основном из-за местных красавиц. Веселье обычно заканчивалось под утро, на рассвете молодёжь разбегалась по домам. Для многих не было расстоянием пробежаться по таёжному лесу с десятков-другой километрик. Лягаево, посёлок, был не большим по количеству дворов, и поэтому молодёжи было запрещено покидать его. И уж если кому доводилось влюбиться в чужака, то обязательным условием было житьё в своём родном посёлке. Молодым всем миром строился дом, помогали обзавестись живностью, даже выкапывали свой колодец, приносили одежду и обувь, необходимую утварь для ведения хозяйства. Всё делалось безвозмездно! Только живите в любви и радости. Молодых принимали охотно, а вот беженцев и дезертиров не очень. Долго к ним присматривались, изучали... В помощи

не отказывали, но и особым гостеприимством тоже не баловали. Впрочем, и те в посёлок особенно не набивались, предпочитали селиться обособленно, где-нибудь в таёжной глуши или на полянке по берегу реки в своих хуторах-усадебках. Молодые, конечно, быстрее находили общий язык с поселковыми и чаще переселялись в посёлок.

После Крестьянского восстания в окрестностях от царской расправы много укрылось повстанцев, стихийно объединялись, стихийно организовывали лесные посёлки в таёжной глуши. Были и такие, что жили в землянках и пещёрах. Эти без особой нужды в сёла не заходили, предпочитая держаться от людей и поселений подальше. Из поселений девушки поодиночке тоже не рисковали забираться далеко в лес, бывали случаи, когда молодые женщины и девчата терялись и находились через много лет, обременённые детьми от таёжного жителя.

После революционных событий 1917 года и дальнейшей Гражданской войны, интервенции и последующего становления повсеместно Советской власти, в уральских лесах поскрывалось множество дезертиров и прочего отребья, кто был не доволен приходом новой власти и всем им хотелось жить, причём жить не хуже старого, а может быть и лучше... Лилась кровь человеческая по любому поводу, а чаще без всякого повода, мертвечину расклёвывали вороны. Голод, холод, болезни и злобная ненависть ко всему живому сгоняли нечеловеков в тайгу, заставляли сбиваться в стаи-банды и бесчинствовать на дорогах и в отдалённых от города посёлках, нападая всегда неожиданно и внезапно, также быстро и исчезая, сделав своё чёрное дело, оставляя после себя смерть и разруху. Появлялись они и в Лягаево, но здесь внезапности не получалось. Тут царствовала некая особая аура и даже птицы, гады и звери, пчёлы восставали против зла, на подходах к селу вели неусыпное наблюдение и защищали посёлок от нападения всеми имеющимися своими силами. Знающие обходили посёлок дальними дорогами, а не знающие дорого расплачивались за своё неведение, порой даже жизнями, всё зависело от степени несомого в посёлок зла. Некоторые из этих людишек пытались обескровить село, лишить его защиты Ведов, колдовской силы, но всякий раз находилась сила, мешавшая им выполнить злой умысел. Всё же однажды вражеский снайпер сумел убить бабушку Мелиссу, старейшую из Ведов. После этого в посёлке была создана дружина самообороны, на всех подступах к посёлку были выставлены посты. Окрестные хуторяне – жители из пришлых, были ещё не приняты под защиту Природы, были беззащитны против бандитов, и вынуждены были шестерить перед ними, снабжая оружием и продовольствием, давая сведения о действиях новой власти. Многие имели от банд охранные грамоты. Впрочем, на хуторах оставались в основном одни старики, молодые предпочитали жить в посёлке. Старики же боялись расстаться с нажитым хозяйством, но зато довольно часто теряли свои жизни. Каждая банда ненавидела другую, и шестёрок, работавших на соперницу, старались перевербовать или же уничтожить.

В село приходило множество противоречивых слухов о новой власти и старики не могли понять, чему можно и нужно верить, а чему и нельзя. А в соседних сёлах новая власть уже устанавливала свои права, появлялись коммуны, сельские Советы, открывались школы Всеобуча, торговые лавки. Об этом говорила и местная молодёжь, бывавшая на Посиделках в соседних сёлах. Но пока что для стариков все эти слухи и разговоры были если не пустым звуком, то по крайней мере не малой головной болью и бессоницей и они не знали, то ли отправлять ходяков с челобитной к Новой власти, то ли ещё погодить. Из-за отдалённости от больших дорог посёлок оставался незатронутым войнами и прочими катаклизмами, в царское время в него даже жандармы не заглядывали, не брали рекрутов на войнушки. Так, выжидая и боясь, и надеясь на русский «авось пронесёт» и жил посёлок в самом начале всех тех событий. В стране произошёл государственный переворот, царь добровольно отрёкся от престола, закончилась временная власть Керенского, пришли большевики во главе с Ульяновым-Лениным, началась Гражданская война... Стариков пугала новая власть тем, что отказалась от Бога – Отца, создателя всей Вселенной и всего сущего, расстрелом царской семьи, в том числе и детей, всё это

никак не укладывалось в старческом разуме. Все воюющие стороны считали себя правыми, били себя кулаком в грудь, с пеной изо рта доказывая свою правоту, хватались за оружие. Приходили белогвардейцы, выискивали сочувствующих Советам, жрали деревенский самогон и рыгая чесночным запахом и самосадам, пытались что-то доказать старикам... Изредка заходили красноармейцы-ополченцы, от самогона тоже не отказывались, но вели себя менее вызывающе, много рассказывали о новой власти, политике партии, обещая новую счастливую жизнь. Но и эти разговоры не приносили успокоения. После разгрома белогвардейского отряда у посёлка Усть-Маш, там, где после находилась лисоферма чернобурок, часть белогвардейцев появилась в Лягаево. Как обычно пили самогон. Веры в скорую победу над большевиками уже не было, поэтому старались в спиртном найти утешение, матюкались и проклинали всё и всех на свете, гонялись за девчонками, стреляли по заречным камням из револьверов. Дед Михей, старейший из Ведов, пытался приструнить распоясавшихся вояк, но над ним лишь подсмеивались, а один из вояк даже выстрелил в старика, но пуля, не долетев, рассыпалась в прах, не причинив деду никакого вреда, но и это не остановило бандитов. Двое из них сходили в стариковский дом и приволокли жившую у деда внучку Оксану, на берегу пытались её изнасиловать. Старик опустился среди беснующихся бандитов на колени, прочитал заклинание и простёр руки к небу. И с чистого безоблачного неба ударили молнии и сожгли беснующихся бандитов заживо. Старец поднялся с колен, сказал в пространство «Спасибо, отец мой» и, опираясь на руку внучки, прошёл в свою хату, лёг на кровать и больше уже не встал. Похоронили его с почестями, как подобает Герою. А для новой власти Лягаево, не приметный посёлок на берегу реки Уфы, не остался не замеченным. Прошло некоторое время, очистился район от белогвардейской нечисти, восстановилась Советская власть, и в один из знойных летних деньков со стороны Усть-Маша постовыми дружины была задержана миловидная женщина с мандатом Красноуфимской партийной организации ВКПб и доставлена на собеседование к старейшинам села.

Партийное поручение

Галина Ивановна Русских родилась в посёлке Сылва Пермской губернии в 1900 году. По её воспоминаниям дом ихний находился на крутом берегу реки Сылва, где-то в районе нынешнего речного причала, окнами к речным просторам. Отец и мать были солёносами, работали в бригаде таких же бедолаг. Соль добывали где-то в районе Соликамска и доставляли её в Пермь, сдавая перекупщикам. Много ли платили солёносам, не известно, Галя тогда была ещё слишком мала, чтобы интересоваться этим. Девочке исполнилось пять лет, когда она осиротела. Пришёл бригадир солёносов, дал девчонке кулёк с монетами и сказал, что она осталась сиротой, отец и мать утонули на переправе, спасая соль из прохудившейся лодки. А через несколько дней в дом к девочке заявились другие люди и выкинули её на улицу, говоря, что якобы родители её остались им должны большую сумму денег и за это в погашение долга они забирают дом. На первое время её приютила сердобольная соседка, но вскоре поняла, что не сможет содержать девочку и посоветовала ей идти в Пермь, просить милостыню, вывела её на большую дорогу, указала направление... Больше Галя её не видела. С этого дня начался Галин путь по большой жизни в поисках хлеба насущного. За этот самый хлеб да ещё тычки и подзатыльники работала на богатеев весь световой день без отдыха. Пасла скот и гусей, пропалывала в огородах грядки, окучивала картофель, рвала траву козам и кроликам, и ещё делала многое из того, что для бесправной сиротинушки придумывали хозяева. Хватило девчонке лиха по самое нехочу, но она была упрямой и очень сильной духом и все эти невзгоды так и не смогли сломить её воли. За её терпение и всепрощение Боженька смилоствовал над нею, послал ей хорошую хозяйку. Приметила работающую девочку одна из хозяек, да и позвала её к себе, нянчиться с младшими детьми. Семья жила не плохо по тем меркам, но денег тоже вечно не хватало, поэтому из денег Гале ничего не перепало, зато всегда была хорошо одета и накормлена. С первых дней одна из старших хозяйских дочек начала учить Галину грамоте, научила писать и считать, а чуть позже свела её с передовой молодёжью города. В свободное время, когда хозяйка отпускала девочек погулять, они сбегали в молодёжную марксистскую организацию, слушали рассказы бывалых, зачитывались запрещённой литературой, расклеивали листовки, призывающие к свержению самодержавия. Так постепенно Галя становилась яркой сторонницей передовых идей. Шли годы, Галя выросла. В том же кружке она познакомилась с трудами Ленина. Обладая цепкой памятью, как губка, впитывала и запоминала всё, что могли дать ей соратники и книги. Когда полиция разогнала кружок и начались массовые аресты, подруга Мила (Милорада) вместе с Галей укрылись в катакомбах под городом. Когда полиция по чьему-то доносу с помощью собак начала прочёсывать катакомбы, девчонок предупредила сестра Милы, и они вынуждены были искать другое убежище. В Перми оставаться было нельзя, описание девчонок было развешено на всех заборах и даже было обещано вознаграждение за выдачу их местонахождения. В катакомбах девчата наткнулись на кладовую какого-то купчика, в ней разжились одежкой и продуктами питания. В одну из ночей покинули город. У Милы в Красноуфимске жил сердечный дружок, тоже марксист, член партии РСДРП, вот к нему-то и направились девчонки. В города и крупные сёла не заходили, в малых посёлках, где не было полиции и жандармов, просили милостыню, называясь сёстрами-сиротами, идущими к родственникам в город Уфу. В основном продвигались ночами, днём забивались в глубь тайги и спали на деревьях пихты, привязываясь к стволу ленточками, чтобы не свалиться. В полудрёме проводили день, а ночью шли дальше, прислушиваясь и прячась от каждого встречного. Сколько времени потратили на дорогу, не ведомо, это сейчас автобусом можно доехать за четыре часа, а для девчат в то время единственной надеждой были собственные ноги. От редких подвод тоже приходилось прятаться, не известно, кто там едет... Большую часть пути шли лесами. Долго ль, нет ли, но всё же добрались девочки до Красноу-

фимска. Еле волоча ноги от усталости кое-как нашли нужную улицу и дом. Друг Милы был несказанно рад появлению девочек, стал готовить для них обед, но когда с кухни вошёл в комнату, то увидел девчонок в живописной позе, сидящими за столом, опираясь спинами в стену, обнявшись и крепко спавшими. Только с помощью отца парня, пришедшего вечером с работы, удалось рассоединить девочек и уложить в кровать. Проспали они около двух суток. Намаялись за долгий путь.

А потом начались будни. Мила устроилась на работу преподавателем начальной школы, а Галя стала посудомойкой в столовой-забегаловке при заводе. И только по вечерам начиналась для девчат настоящая жизнь. Шла война с Германией, кроме того внутри самой России всё сильнее разгоралась волна противостояния самодержавию. РСДРП Красноуфимска была старейшей организацией на Урале. Организовалась она ещё до событий 1905 года и новые соратники, проводники идей Ленина, были ей нужны позарез. Галя и Мила с первых дней появления в городе стали активно работать в организации. Вскоре, не смотря на молодость, Галю приняли в ряды партии. Она была в курсе всех событий в стране, ни одно собрание или митинг не обходились без её участия. Агитировала за большевистскую власть, читала статьи Ленина по памяти из газеты «Правда», объясняла суть, доказывала правоту идей. Наступил 1917 год. Отречение царя от престола, Временное правительство Керенского, Октябрьский правительственный переворот, расстрел царской семьи, Гражданская война... События чередуются с быстротой калейдоскопа! После подтверждения из Питера, что власть перешла в руки большевиков, в Красноуфимске начинает формироваться новая власть. Собрания и митинги не прекращаются. Проводятся Выборы депутатов в Советы, организуются рабочие и земельные комитеты. Происходит захват помещичьих земель и передача их в собственность земельных комитетов. Фабрики и заводы переходят в собственность рабочих комитетов. Из заводских рабочих Артинского завода создаётся отряд красногвардейцев под командованием большевика Шевалдина П. И. Отряд получает из Екатеринбурга (Свердловск) более 300 единиц винтовок, револьверы и боеприпасы. 28 ноября 1917 года состоялся съезд представителей рабоче-крестьянских депутатов. Я не буду подробно останавливаться на подробностях тех событий, о них не мало написано в других книгах, как «Край родной» Л. Змеевой, 2005 г. Издания в г. Екатеринбурге., серии «Города нашего края-Красноуфимск», издания 1986г., «Красноуфимские тайны» Рындина Р.-1999г. И другие. К весне 1918 года по Красноуфимскому уезду прокатилась волна контрреволюционных мятежей кулаков и эсеров. Все они подавлялись силами местных красногвардейских отрядов и силами добровольческих отрядов. Мила и её друг Артём поженились и уехали в Екатеринбург, выполнять новое партийное поручение. След их затерялся на просторах России, по крайней мере Галя их больше в городе не видела и от них не было никаких вестей, даже отцу. Впрочем, переживать за подругу Галине было абсолютно некогда, события в стране и уезде развивались с бешеной скоростью, а она всегда находилась в самой гуще революционных событий. Отец Артёма записался в Красногвардейский отряд и погиб в одной из стычек с мятежниками. Теперь хозяйский дом находился в полной Галкиной власти. К осени 1918 года в отрядах числилось более 300 бойцов, позднее они вошли в состав Красноуфимских полков и участвовали в освобождении Урала и Сибири от Колчака. В августе 1918 года прошли по уезду бои с воинскими подразделениями белогвардейцев. Крупные бои прошли около горы Сурунта, что находится между Русской Таврой и Сарсами, а так же в районе Усть-Маша. Были и другие бои, но мне о них не ведомо. В сентябре 1918 года город Красноуфимск частями Красной армии был оставлен. Почти год хозяйничали белогвардейцы в городе. Галя с товарищами получила приказ о ликвидации или надёжном сохранении партийных и советских документов. Уйти с последним отрядом они не успели и вынуждены были укрыться в катакомбах под городом. Туда же перенесли и все архивы. Конечно, и тут они не сидели сложа руки, а вели активную борьбу против врага. Из катакомб имелись во многих местах города выходы на поверхность, для белогвардейцев вылазки подпольщиков

всегда были внезапны и наносили большой ущерб. Подпольщиками расклеивались по городу листовки с воззваниями Ленина и партии ВКП/б, расклеивались также и вырезки из газеты «Правда». Помимо этого по наводке жителей города производились нападения с целью завладения оружием и продовольствием, уничтожались штабные помещения, выкрадывались медикаменты. Не смотря на облавы и частые расстрелы сочувствующих, жители города не выдавали мест появления подпольщиков и даже помогали им, указывая места скопления оружия, боеприпасов и продовольствия. Откуда появились катакомбы под городом, не известно, да и так ли это важно? Катакомбы эти существовали ещё задолго до появления Красноуфимской крепости и простираются они далеко за пределы города, но охраняются полчищами змей-гадюк, поэтому никто не отваживается туда лезть. Катакомбы носят в основе своей жилой характер, до появления в урочище Красный Яр полковника Тевкелева, на поверхности жили хвостатые люди, ходившие без одежды и обладавшие небесной красотой. При опасности они прятались под землю. А когда стали конфликтовать с жителями города, то и вовсе переселились под землю, ушли в глубь земли. Катакомбы перестраивались, переделывались под нужды города, а перед началом Отечественной 1941—45 годов частично были переоборудованы под бомбоубежище, попасть в него можно и до сих пор, в частности через лаз на улице Мизерова. В конце июня 1919 года части Красной армии освободили Пермь и Кунгур. 4 и 5 июля войска Второй армии и 35 дивизии 5 армии освободили Красноуфимск. И снова Галина Ивановна в строю. Восстановление работы партийных и Советских органов, создание уездной комсомольской организации. Кстати, День рождения Красноуфимского комсомола празднуется 25 августа «1919»года. К 1920 году в уезде насчитывалось около 50 коллективных хозяйств, в том числе 10 коммун, 16 сельскохозяйственных артелей, помощь которым оказывалась за счёт помещиков и кулаков инвентарём, семенами и скотом. А Галина Ивановна, коль партия сказала «надо», бралась и за оружие, надо было раскулачивать, шла и делала, без раздумий... Тогда некогда было задумываться о правильности или неправильности того или иного решения партии, нужно было беспрекословно, быстро и качественно исполнить указание. С партийными поручениями Русских побывала не только по Уралу и Сибири, но и в других местах, всегда была в первых рядах строителей новой жизни, свято веря в счастливое светлое будущее. И когда партия поставила вопрос о возможности охвата Советской власти в отдалённых уголках и организации там коммун, одной из первых вызвалась поехать на село. Направили её в Усть-Машский Сельский Совет, там она и узнала о посёлке Лягаево на берегу реки Уфы и то не многое, что могли ей рассказать сотрудники Сельсовета о жителях и самоуправлении в посёлке. Местный пацан проводил её до тропинки на Лягаево через Прямушку, вырезал ножичком ивовый длинный прут, подал ей; -Возьмите. Хлопайте по тропинке перед собой, у вас обувь не таёжная, а тут змей много, покусать могут, а так бояться всё-таки... Тропа одна тут, не заблудитесь, в тайгу только не заходите. Около села на Прямушке посты стоят, встретят.— Галя змей не боялась, за свой короткий век повидала в своей жизни всякого, прошла сквозь огонь и воду... Она лишь ответно вздохнула, поблагодарила парня за проявленную заботу о ней, поправила сбившуюся кобуру нагана и зашагала в новую неизвестность. Вещмешок с небольшим запасом продовольствия и немудрёной одежкой болтался за плечом. В вещмешок положила солдатскую гимнастёрку, пару юбок, нижнее бельё, пуховую шаль, единственное богатство, подаренное незнакомой цыганкой за спасение её сына во время половодья, да ещё телогрейку с армейской шапкой и кирзовые сапоги. Теперь же была одета в лёгкую летнюю гимнастёрку и юбку, тоже армейского покроя. На голове лёгкая прозрачная косынка, волосы подрезаны по комсомольской моде до плеч, на ногах лёгкие плетёнки без каблучков. Шагнула вот на тропинку, ведущую в неизвестность, а память вернула её в прошлое, заставив забыть о настоящем. По приказу партии где только не довелось побывать! А что довелось пережить! Доводилось коротать ночи у костра и без него, часто без сна. В лютые пятидесятиградусные морозы приходилось спать в сугробах и стогах сена, неделями обходиться без еды, влачить жалкое существование в катакомбах и при

этом ещё и не давать покоя врагу. Хорошо, что не одна, а плечо к плечу с товарищами среди множества крыс и ядовитых змей. Впрочем, змеиное мясо несколько не хуже куриного. Галя невольно улыбнулась, вспомнив, как сначала нос воротила от змеиного супчика... Однако ж голод не тётка! И всё же страшнее всяких земных и подземных тварей является сам человек, этот всеяден и злу и подлости его нет предела. Невольно вспомнила, как проводила в Екатеринбурге арест семьи людоедов в одну из революционных зим. Голые, покрытые инеем трупы замороженных в чулане парней и девочек, а в печи суп из человечины... Невольно поёжилась от пробежавшего меж лопаток холодка по спине, сильнее стиснула лямку вещмешка. Да, голодно было, но ведь это не оправдание! Другие люди жили не лучше, но ведь людоедами не становились... Вывела тогда этих нелюдей на улицу и, терпения не хватило, расстреляла их во дворе. За то получила свой первый выговор по партийной линии, но не раскаялась. Подумаешь, одной мразью на земле меньше стало! А вот ихних деток, двоих, лет двух и трёх от роду, не убила. пожалела, сдала в приют, может, хоть из них вырастут хорошие люди. Так Галя и шла по тропинке, механически передвигая ноги, забыв про вицу в руке, уйдя целиком в прошлую свою жизнь. За нею увязалась синичка. Перелетая с дерева на дерево, залетая вперёд, щебетала, крутила головкой, разглядывая человека на тропе. словно порывалась что-то сказать, предупредить о чём-то, но Галя не слышала и ничего вокруг не видела, занятая собой. А над лесной поляной крутился жаворонок, предсказывая погоду, шумела ровным гулом тайга, откуда-то издали доносился слабый звон кузнечного молота. Память уводила Галину всё дальше и дальше в прошлое и не хотела радовать настоящим. В катакомбах под городом Галя познакомилась с человеком-змеей, и это знакомство не давало ей покою всю её долгую жизнь. Уже после Отечественной войны перерыла все городские архивы и музейные закрома, но ответа на мучающие вопросы так и не нашла. Поделиться же своей тайной она ни с кем не могла, её попросту объявили бы сумасшедшей и отправили в психбольницу пожизненно. А произошло тогда вот что: В поисках надёжного выхода на поверхность, чтобы не нарваться на засаду, Галя зашла слишком далеко по подземным ходам. Городские ходы в катакомбы, ставшие известными белогвардейцам, были взорваны или засыпаны речным гравием. На некоторых были выставлены солдатские посты. Керосиновый фонарь тускло освещал дорогу под ногами и отбрасывал причудливые тени по сторонам, с известковых наростов монотонно капала вода, слышался змеиный пересвист, предупреждавший о появлении в подземелье чужака. Неожиданно всё вокруг осветилось ярким светом. Галя невольно зажмурилась и схватилась за наган. Тихий женский спокойный голос вывел её из ступора, заставил открыть глаза. — Не бойся, я не причиню тебе зла. Миллионы светлячков освещали пещёру, было светло как днём. Впереди, одного роста с Галей, стояла совершенно голая девушка и, улыбаясь, смотрела на неё. Черты лица и всего тела её привораживали, заставляли рассматривать и любоваться совершенными женскими формами. Девушка стояла на двух человеческих ногах, руки свисали вдоль тела, и при этом она опиралась на свой хвост такого же телесного цвета. Внешне она была спокойна, и лишь самый кончик хвоста выдавал некоторое волнение, подрагивал и то сгибался причудливо, то снова выпрямлялся. — Я знаю, зачем ты пришла сюда, но ты пришла немного не по адресу. Тебе нужно двигаться к Атаманской горке, там, неподалёку от часовни есть выход на поверхность. Наверху для непосвящённых он не заметен, сильно зарос ельником, да и сам вход немного обвалился, но, если немного расчистить, то можно спокойно пролезть. Я проведу тебя до этого места.

Девушка плыла по воздуху, не касаясь ногами земли впереди Гали, взяв её за руку. — Ты не бойся меня. Когда-то мы тоже жили на поверхности земли, но затем начались преследования и убийства и мы вынуждены были уйти на постоянное жительство под землю. Надеюсь, когда-нибудь и мы вернёмся на поверхность и будем как когда-то раньше жить наравне со всеми в мире и гармонии. А звать меня Лидой... — Лида, тебе известно наше будущее? Да, но сейчас не время об этом. Мы ещё встретимся и я расскажу тебе о многом. А лично тебе скажу, что

вопреки всем смертям ты будешь жить. Ну вот и выход, ваши враги не догадываются о нём, хотя он почти у них под носом. Немного дальше, вон там, я приготовила для вас запас еды, примерно на месяц, пользуйтесь. Всё у вас будет хорошо! А мне пора возвращаться... Ты узнаешь, когда я приду для встречи с тобой.

Девушка бесшумно уплыла по воздуху в глубь пещёры, за нею исчезли и светлячки. Снова тускло светил фонарь... Сон, явь ли? Галя дошла до поворота пещёры и увидела сложенные у стены мешки с консервами и сухарями...

Галина Ивановна отбросила ненужную вицу и только тут заметила на тропе впереди себя молодого мужчину с охотничьим ружьём в руках. Он с некоторым удивлением и интересом разглядывал её, затем спросил: – Кто вы, куда идёте и почему без сопровождения? Галя ответила. Тотчас из-за кустов можжевельника появились ещё несколько человек, окружили, проверили документы. Кто-то сказал: – Илья, проводи девушку до посёлка к старейшинам.

Встретивший Галю парень закинул ружьё на плечо и, улыбнувшись ей, зашагал по тропе впереди неё. Другие моментально исчезли в кустах, ни шороха, ни звука...

– Вы из города? По одежке видно... Я бывал там, в отряде самообороны. С беляками воевали, с колчаковцами и с бандами пришлось повозиться... Теперь вот свой Клочок земли охраняем, свою малую Родину, много в лесах всякой нечисти поукрывалось, пакостят. К нам-то как, насовсем или погостить?..

Спустились к реке с горы. Илья кивнул в сторону воды головой; – Красавица и гордость наша река Уфа. Вода ключевая, прозрачнее стекла и прогрелась уже. Хотите искупаться? Я подглядывать не буду, купайтесь, дорожную пыль смоете. Чуть подальше ключик есть, вода там очень холодная, но вкусная, не то, что городская.

– Вечером искупаюсь, сейчас в первую очередь дела надо уладить неотложные. Лучше к ключику сходим...

Зачерпнула сложенными в ковшичек ладонями ледяной водички, плеснула в разгорячённое лицо, попила.

– Ух ты, зубки ломит! Хороша водичка, я такую только в Сибири пила...

– И там ключи есть?

– Не знаю, не встречала... Но в деревенских колодцах вода не хуже этой, даже лёд держится всё лето.

Илья помог девушке выйти на тропинку, придерживая за руку, затем, словно обжёгшись, выдернул свою руку из её, отстранился и снова зашагал впереди неё размеренно и быстро, словно стараясь убежать от своей судьбы, позабыв о спутнице. Галине же о многом хотелось расспросить его, но он словно убегал от неё и, глядя в его спину, она почему-то не решалась задать ему свои очень нужные и важные для неё самой вопросы, мучилась этим и ничего не могла поделать. Дома посёлка показались внезапно. Лес как-то неожиданно расступился и перед Галиным удивлённым взором возникли сказочные домики-теремки, добротные и вместе с тем какие-то воздушные, даже на короткий миг показалось, что они приготовились к полёту... Друг от друга они отличались и по строению и по обличию, даже резные наличники на окнах были разные. Единственный ряд домиков тянулся по высокому берегу реки. Заметно было, что хозяева домиков любят свой посёлок, кругом было очень чисто, ни бумажки, ни коровьих лепёшек... По берегу реки растут тополя, под ними скамеечки сделаны, присаживайся и любуйся красотами природы. Под окнами домов сирень, черёмуха, даже цветы растут.

Илья подметил удивление девушки, не преминул похвалиться: – Наши умельцы на всю страну славятся!

Посёлок встретил гостью лаем собак, которые были совсем-совсем не злые, свирепые только на вид. Подбежав, ласкались и тыкались влажными носами в ладони. Обнюхав и повиляв хвостами в знак особой признательности, собаки отходили и начинали заниматься своими неотложными собачьими делами. Шипели гуси, кудахтали куры, гомонили под берегом

у воды ребятишки, с недалёкого пастбища доносилось мычание коров. От самих домов разносился по всей округе такой родной и уже полузабытый запах парного молока и свежееиспечённого подового хлеба. Галя от неожиданности потуже затянула армейский ремень, сглотнула голодную слюнку, вспомнила, что уже более суток не прикасалась к своим съестным припасам. От деревенских запахов и звуков закружилась голова и, чтобы не свалиться в обморок, Галя вынуждена была присесть на скамеечку. Илья присел рядом, делая вид, что не понимает состояния девушки, стал рассматривать купающихся в реке голых ребятишек. Сам же изредка участливо поглядывал на девушку, готовый в любой момент прийти ей на помощь. А она жадно разглядывала посёлок, не замечая взглядов Ильи, и не могла понять, то ли всё происходящее происходит с нею наяву, то ли она во сне оказалась в некоей сказочной стране. За красивыми домиками были огороды, разделённые между соседней не забором, а всего лишь узкими межами, а дальше шёл лес и горы.

Когда Галя немного пришла в себя и поднялась со скамьи, Илья взял её под руку и повёл по селу. Встречных людей было не много, но все они с поклоном и улыбкой здоровались с нею, желали ей здоровья, но ни о чём не спрашивали. Словом-другим перекидывались с Ильёй...

Илья завёл её в самый большой дом, передал хозяйке.

– Баб Мань, прймай гостя, а я к старикам схожу, пусть на вечер сход собирают, гостя говорить будет. После на свой пост к ребятам пойду.

Хозяйка сняла рушник со стоявшего на столе железного листа с аппетитными пирожками.

– Илюша, возьми-ка пирожков с собой, поди ребята проголодались, а ещё и ночь впереди...

Илья, взяв несколько пирожков, ушёл. Хозяйка, пока Галя полоскалась около рукомойника, собрала на стол, угощала гостью молоком и отварной рассыпчатой картошкой, таявшей во рту. Затем уложила гостью на кровать, заметив, как та после сытного обеда украдкой скрывает зевоту. Галя моментально заснула и проснулась уже под вечер от осторожного прикосновения руки бабки, на берегу под тополями собирались на сход жители села. Красная картонка-мандат с изображением вождя мирового пролетариата В. И. Ленина, ходила по рукам. Люди разглядывали мандат со всех сторон с некоторым страхом и любопытством детей. Все чего-то как будто ждали, и было видно, что чего-то боятся и оттого оттягивали начало разговора, лишь с любопытством поглядывали на Галину Ивановну.

Когда же мандат вернулся к Гале, она встала в круг. Все тотчас притихли, повернулись к ней. Она заговорила о событиях в стране и за рубежом, начиная с самого начала событий 1917 года. Отречение царя Николая-2 Романова от престола, приход к власти Временного правительства Керенского, Октябрьский вооружённый правительственный переворот, приход к власти коммунистов-большевиков, Гражданская война, расстрел ночью царской семьи в Ипатьевском доме города Екатеринбурга и последующее захоронение останков в Ганиной яме на 17 июля 1918 года, борьба с интервенцией, становление повсеместно Советской власти, организация колхозов и коммун, отделение церкви от государства, борьба с воровством и бандитизмом, беспризорниками, школьном Всеобуче, ликвидация массовой безграмотности населения, охрана здоровья и многое другое. Люди задавали вопросы, Галя чётко и исчерпывающе понятно отвечала на них. При этом была уверена и спокойна в своей правоте, которая теперь передавалась и окружившим её людям. Много вопросов было о новой экономической перестройке, привлечении иностранных инвесторов, оказании возможной помощи нуждающимся. И только далеко за полночь Галина Ивановна смогла расслабиться и остаться наедине с собой. Она не могла не отметить, с каким уважением и любовью люди села относятся друг к другу. При этом даже с грудными детьми не сюсюкают, а разговаривают на равных, как со взрослыми. И как же доверчиво слушали её, затаив дыхание, боясь пропустить хоть слово! Галине вдруг остро, до щемяющей сердечной боли захотелось остаться в этом селе, с этими такими откры-

тыми, сердечными людьми, постигнуть суть и смысл их жизни, понять и разделить с ними свою судьбу. Она понимала, что от каждого сказанного ею слова зависит судьба этих людей, их дальнейшая жизнь, да и её жизнь тоже, поэтому взвешивала каждое слово. Ещё до её появления в селе стариками были направлены ходоки к новой власти на разведку с тем, чтобы разобраться, что происходит в стране и как жить селу дальше, по пути ли ему с новой властью... Ходоки задерживались. И поэтому Галино появление в селе было своевременным, она сумела дать исчерпывающие ответы на все вопросы. Давно уже жителям села хотелось знать, какой правды нужно придерживаться. Хозяйка позвала сидевшую на скамье под топодем на берегу в полном одиночестве Галину в дом, накормила её. После ночной трапезы Галя снова вышла на улицу, не спалось. Спустилась к воде. Посёлок спал, даже петухи и собаки молчали. Лишь однотонно шумела тайга за рекою да сиротливо поглядывал с неба серпик месяца. Скинула Галя одежонку, зашла в парную водичку, прогретую за день от жаркого летнего солнышка и долго плавала, смывая с себя все тяготы сегодняшнего такого долгого дня. А во сне приснился ей Илья. Стояли они под топодем, держались за руки, Илья что-то говорил ей, она не понимала, только видела его шевелящиеся губы. Время от времени он склонялся над нею и целовал в губы... Может, так вот и зарождается любовь? Кто знает? Ухажёры у Гали были, не могла не нравиться чёрноволосая, кареглазая красавица, статная и умная, с хорошо подвешенным, порой острым, как бритва, язычком. К тому же мастерица на все руки; могла и с любым оружием обращаться не хуже любого кадрового вояки, могла и топором, и молотком владеть не хуже столяра, отлично играла на гитаре, пела частушки и песни, зачастую сочинённые ею же. Вот только до сей поры не пробуждались в ней её девичьи чувства, спала её душа. Для неё все парни прежде всего были соратниками и друзьями и для более интимных чувств места не находилось в её сердечке.

Бабка разбудила Галину на рассвете. К этому времени успела уже и хлеба испечь и для уважаемого гостенька картофельных пирожков наготовить. Усадила за стол, сама рядом присела, дотронулась до девичьей руки.

– Заговорили тебя вчерась, умаялась поди... Жаль, что отдохнуть-отоспаться не даю тебе, старики опять к себе на берег зовут, замучают теперь расспросами. Ходоки из города вернулись. С хорошими вестями ты к нам пришла, очень хочется, чтобы наши старики не отказались от твоей правды. Всяко в жизни довелось пожить, дай Бог и дальше так-то жить и умереть в своей домашней постельке, а не где-нибудь на чужбине, не боясь за судьбу детей и внуков своих.

Старики сидели под тополями на берегу, о чём-то говорили. С появлением Гали всё своё внимание обратили на неё. Сначала заслушали отчёт ходовиков, затем снова посыпались вопросы на Галя. На этом сходе было решено передать стариковскую власть над посёлком в руки новой власти – Сельскому Совету и в дальнейшем неукоснительно дальше держаться Ленинского пути, как повелит партия. Данный путь не грозит войнами, голодом и болезнями. Галине Ивановне вновь и вновь пришлось по памяти перечитывать Декрет о мире, Декрет о земле, рассказывать о коллективных хозяйствах, в частности о тех, что уже действовали в уезде, поступлении новой техники. На этом же сходе было решено собрать и сдать в пользу нуждающихся продукты питания и одежду. В истории самого посёлка ещё не бывало такого случая, чтобы кого-то где-то оставили без помощи. Вот однажды даже случай произошёл с одним из деревенских парней. Отправился он в город со своими поделками, чтобы продать на рынке да прикупить себе и своей невесте подарки, а вернулся ни с чем. Увидел там женщину с грудничком, просившую милостыню у ворот рынка, да и отдал ей всё, что имел. Звал её с собой в посёлок, зная, что жители не оставят её наедине с её проблемами. Но она не согласилась. Кто знает, нашла ли она своё счастье в городе?

Самый большой дом села, дом приютившей Галя бабки, Липаевой Марии, был передан под Сельский Совет, там же временно отделили место для школы и правления колхоза. Долго

спорили насчёт названия колхозу, но к единому мнению так и не подошли, было решено оставить до лучших времён и лучших предложений. В соседнем пустующем доме было решено сделать лавку-магазин и медицинский пункт, благо хозяева дома давно уже переселились на местный погост. Бабка Липаева давно уже хотела перебраться на жительство к своей дочери, теперь такая возможность ей и предоставилась. Галя попросила стариков о ней не заботиться, хотела остаться жить в помещении Сельсовета, объясняя тем, что на первых порах будет много работы и придётся засиживаться допоздна. Она достала из своего бездонного вещмешка красное полотнище, кто-то из пацанов принёс ровную палку и вскоре над крылечком Сельского Совета на ветру развернулся красный стяг, возвещая селу начало новой жизни. Единогласно Галину Ивановну Русских избрали председателем Сельского Совета, руководителем колхоза стал Петрованов Никита. Тотчас Галя отправилась в Усть-Маш, там имелась телефонная связь с городом. Позвонила в уездные организации партии ВКП/б и исполком, ей сказали, что вскоре вышлют всё необходимое для работы, удостоверения на комсомольцев и партийцев, боеприпасы и оружие для бойцов самообороны. В уезде по прежнему было довольно не спокойно. В тайге укрылись дезертиры и остатки белогвардейцев, кулаки и прочие, не довольные Советами. Сбившись в стаи, они наносили ощутимый урон новой власти, нападая на коммуны и колхозы, ставя засады на дорогах и грабя проходящий транспорт.

Время любить

Где-то в верховьях реки ежедневно велась стрельба, эхо по руслу реки далеко разносило отзвуки выстрелов. Время от времени сельские мужики на отмелях находили приносимые водой трупы полураздетых, а то и вовсе раздетых, убитых людей обоего пола, иногда и детей, убиенных неизвестно кем и за что. Документов при них конечно же не находилось, приходилось хоронить их на деревенском кладбище, согласно испокон веков заведённому местному обычаю, за лугом в лесочке. Если убитых было несколько, то на кресте ставили пометку с датой похорон и сколько человек находится в одной братской могиле. Впрочем, одинокому путнику в лесу даже вблизи посёлка находиться было опасно. Революция выгнала из потайных нор много разношёрстного зверья, которые не хуже шакалов рыскали вокруг сёл в поисках еды и одежды, не брезгуя ничем. Поселковые охотники не раз натыкались в тайге на землянки и шалаши, жители которых избегали встреч или же хватались за оружие, тогда такая встреча заканчивалась чьей-то гибелью. Для женщин встречи с лесными жителями не сулили ничего хорошего, исход был один, надругательство и смерть. Истерзанные и осквернённые тела их находили в болотах и старицах или же река выкидывала на отмель, давая возможность по-человечески проводить человека в последний путь. Ещё в семнадцатом у Ильи Никитина погибла невеста, вздумавшая в одиночку пойти к нему на пост и выкраденная бандитами. Тело её обнаружили деревенские собаки в логу неподалёку от села, притащили в посёлок. После этого Илья, прирождённый охотник, знавший тайгу как свои пять пальцев на руке, всё свободное время проводил в тайге, выслеживая и уничтожая лесных «волков», мстя за свою поруганную любовь. Помимо мести Илья не отставал от губернской жизни. Командовал отрядом в борьбе с колчаковцами и белогвардейцами, боролся с бандитизмом. Появление в селе Русских Галины Ивановны встревожило сердце Ильи и он безотчётно увлёкся её обаянием. После того, как её выбрали председателем, она сутками просиживала за работой. Помимо всего ей приходилось быть и партийным организатором и учителем в школе. Учились поголовно все, и молодые и старые. Начали строить дорогу на Черлак, там проходила дорога, связывавшая город Красноуфимск с Башкирией. Дело по строительству дороги шло медленно, тайга не хотела уступать. Город торопил с отправкой продуктов и одежды. Тогда решено было пробивать дорогу на Усть-Маш через Прямушку. Здесь лесной массив был поменьше и дело продвинулось. Тропинку расширили, убрали с дороги крупные камни и теперь можно стало ездить на лошадаках. Позднее построили дорогу через Песчаный лог, там уже дорога получилась более полноценной, можно было ездить на машинах и тракторах. Илья теперь много времени проводил около Гали. Он сам не был болтлив и просто сидел где-нибудь в уголке, перелистывал привезённые из города с оказией газеты и журналы и слушал. Часто вызывался выполнять какое-либо поручение Гали, всё делал быстро и на совесть. Постепенно стал незаменимым помощником и советчиком в делах Гали. По вечерам Галина любила сидеть на берегу под тополями, любясь последними отблесками вечерней зари на воде и слушая своё сердце, которое сладко тосковало по любви при воспоминаниях о Илье. Ах, как он сегодня смотрел на неё! Зародилась новая любовь, но скажи кто-нибудь об этом влюблённым, они бы почувствовали себя оскорблёнными. О каких таких чувствах может идти речь, коль страна, великая Россия в разрухе, ещё идут бои с интервенцией, ещё где-то царит голод и царствуют болезни! Всё личное тогда казалось мелким, суетным и преждевременным. Напряжение в стране никак не сказывалось на сельской жизни, люди здесь жили как бы в прошлом веке размеренно и спокойно. Когда-то было время, что даже войны обходили посёлок стороной, отсюда не брали в рекрута, не плакали вдовы по убитым мужьям, матери не оплакивали своих детей. Многие века люди села жили коллективно, одной большой семьёй, без какого-либо различия по полу и возрасту. Выбор каждого был священен. Здесь не мешали человеку думающему, даже дети старались

не шуметь около. Здесь женщина могла работать на равных с мужиками на сенокосе, в кузнице, на строительстве. И в целом Галине Ивановне не пришлось ничего переделывать в устройстве посёлка. Да и сама она со своими новшествами очень гармонично вошла в сельскую жизнь. Все переделки заключались только в том, что нужны были постройки для хранения общественного имущества и расширения хозяйства. Помимо всего начали строительство домов для приезжих специалистов и хранилищ для овощей. Жители добровольно сдавали в колхоз излишки живности, зерна и овощей, несли одежду. Стар и мал выходили с песнями на колхозные работы. Это было время всеобщего душевного и физического подъёма людей. Много вещей было собрано для отправки нуждающимся и всё это надо было вывезти из села до наступления холодов. Барки и теплоходы пока не использовались, бандиты хозяйничали по всему руслу реки. Вся надежда была на лошадок.

Обоз сопровождали Галя и Илья, помимо того на каждую подводку полагалось по два стрелка охраны. Шли за обозом пёхом, не загружая лошадок лишней тяжестью. Галя украдкой посматривала на Илью и ловила себя на мысли о том, что хочет иметь от Ильи ребёнка, крикливого сопливого малыша и от такой крамольной мысли краснела до слёз, прикрываясь платком, словно боясь, что кто-либо посторонний прочитает её крамольные мысли и высмеет её. Понукая и поторапливая лошадок без особых приключений прибыли в город. В исполкоме обоз направили в район станции, там уже стояли машины для загрузки. Солдаты помогли очистить телеги, дали расписку о получении. Галина заглянула в партком, получила новые инструкции, пачку новых газет и журналов, удостоверения членов партии и комсомола. В исполкоме выдали школьные принадлежности. Обрато везли двух молоденьких девчонок; продавца с товарами для лавки и акушерку в медпункт. Врача общей практики и учителя не нашлось пока, пообещали содействовать к осени. На должность врача Галя решила поставить одну из местных Вед, то есть знахарку. По рассказам знала, что из-за болезней и трудных родов ещё в селе никто не умирал, если звали на помощь знахарку-веду.

Обоз возвращался в село поздно вечером, быстро темнело. Ездоки чутко вслушивались в окружающий мир, тихо переговаривались, готовые к любым неожиданностям. Илья сидел на телеге рядом с Галей, на коленях лежало охотничье ружьё, с ним ему как-то было привычнее и спокойнее, хотя за поясом добавочно постоянно был наган. Где-то вблизи детским плачем залился зайчонок, попавший либо в лапы ночному разбойнику филину, либо на зубок хитрой лисице. Галя испуганно прынула-прижалась к Илье, потянулась к кобуре...

– Ой, что это, кто?..

Илья обнял её, прижал бережно к себе.

– Зайчишку-трусичку филин испугал верно, вот и кричит-плачет со страху, мамку свою на помощь зовёт.

Нервная дрожь от близости Ильи сотрясала Галку, она плотнее прижалась к его боку. Илья накинуд на неё полу своего плаща, так же чувствуя необъяснимое волнение от соприкосновения тел. Сама же Галя была в полной растерянности, даже в некотором страхе, млела и терялась от близости и одновременно испытывала какое-то новое необъяснимое чувство, заполнявшее её всю без остатка. При этом ей хотелось чего-то большего и она доверчиво прижалась к бочку любимого человека и даже задремала. Обозников окликнули дружинники на Прямушке. Галя сошла с телеги, подошла к встречающим.

– Всё в порядке, товарищи!

Эта дорога ещё более сблизилась Галю и Илью. Про любовь ещё разговора не было, но для других и так всё было ясно и видно невооружённым взглядом. Пришло время любить и тут уже ничего не поделаешь!

Важные события

Привезённые газеты и журналы были старыми, но всё-таки это был источник информации. Вновь и вновь в Сельсовет собирались жители, просили Галину Ивановну рассказать, прочитать или объяснить события даже многолетней давности, она не отказывалась. Некоторые вопросы ставили её в неловкое положение, но природная смекалка выручали её не раз. Вот задавался, например, такой вопрос, нужен ли был расстрел царской семьи, ведь он добровольно отказался от царствования, и зачем нужно было расстреливать всю семью? Галя отвечала, что для обеспечения порядка и стабильности в революционной стране в то время расстрел царской семьи был просто необходим. Про себя же её мучили сомнения по этому поводу, но как коммунисту, председателю Сельского Совета, парторгу и учителю по – другому ей думать было нельзя. Нельзя было ставить под сомнение всю политику партии и правомерность действий соратников! Втайне жалела убитых детей, они-то уж совсем не в ответе за действия своих родителей, но что поделаешь, время такое... Покаялась когда-нибудь съездить до Ганиной ямы, положить цветы и попросить прощения за тех, кто не ведал, чего творил. Несколько забегаю вперёд скажу, ездила Галина Ивановна на то место спустя многие годы и просила прощения за необдуманные действия своих соратников, плакала даже, скажу по секрету, что было совсем уж не к лицу коммунисту со стажем. Но вернёмся в Лягаево. Как уже известно, главой колхоза стал Никита Петрович, не молодой уже, но ещё довольно крепкий хозяйственный мужичок, умеющий держать данное слово, всё делающий с умом и на совесть, а главное, придерживаясь дедовских заветов. Советовался в своих делах и поступках всегда со стариками, хотя иногда и поступал по-своему. В молодости сбежал из села в поисках приключений на свою з., хватил лихого счастья досыта и даже успел где-то грамоте подучиться, однако ж лучшего места не нашёл в чужих краях, вернулся в родной посёлок, да не один, привёз красавицу жену с чужбины. Не надолго зажила на белом свете жена, зачахла от какой-то неведомой болезни, даже веда не смогла помочь ей и вот уже лет шесть как покоится на местном кладбище, оставив на память о себе такую же красавицу дочку по имени Сеста. Теперь отец и дочь работали вместе. Сам Никита мастером был великим, умелец – не чета нынешним, и всё то у него спорилось да ладилось. Жену свою покойницу любил очень и, после её ухода, вся его не растраченная нежность и любовь были отданы дочери. Многие девушки села страдали по нему, пытались обратить на себя его внимание, но всё было тщетно. А в селе пророчили скорую свадьбу Илье с Галиной, даже втайне от них ставили для молодожёнов новый дом. Люди в селе были понятливые. В школе тоже все учились с превеликим усердием, многие уже за первый месяц учёбы освоили полностью азбуку, умели читать и складывать слова. Многие выучили свою подпись и теперь могли расписываться на документах. Мела в школе вечно не хватало и местные ребяташки в горах отыскивали мягкий известняк, вполне пригодный для использования в школе. Город обещал к осени дать учительницу начальных классов, нужно было только подготовить для неё жильё. Новое помещение для школы уже строилось, так же было уже готово новое правление колхоза. Говорят, что первой учительницей новой школы была Трифанова Земфира, но достоверных данных не сохранилось. Закончена была конная дорога на Черлак, это намного спрямляло путь до города, нежели объезжать через Усть-Маш. Здесь составляло около десятка километров. Петрович съездил на курсы председателей колхоза, а заодно привёз из города большого специалиста по сельскохозяйственным наукам – агронома, который почему-то не задержался надолго в селе, быстренько удрал обратно в город, не оставив о себе никаких воспоминаний даже у девушек. В Бугальшской МТС открыли курсы механизаторов, от колхоза тоже учились несколько человек, но пока не было техники. Пока что колхоз готовился к первой своей посевной по-старинке. И без помощи лошадей пока обойтись было нельзя. Первую борозду доверено было провести Ларисе Дрофиной, позднее она стала пер-

вой трактористкой-девушкой в своём селе. Очень волновалась, но борозда получилась ровной, как будто выведена по линейке. А ещё больше за неё волновался её будущий муж, Дмитрий Костливых. Дошла Лариса до конца длинного поля, за нею пошла другая упряжка, понукаемая Дроздовым Колей, лет десяти от роду. Председатель опустился перед бороздой на колени, взял горсть земли, поцеловал и бережно опустил обратно. Когда поле было вспахано до половины, вслед за плужниками вышли сеяльщики, по старинке разбрасывая зерно по полю вее-ром. Кто-то запел песню, её подхватили и разлился над просторами речными мощный хор женских и мужских голосов, разнося весть о победе Советов, о новой счастливой жизни села. За сеяльщиками шли лошадки, таща за собой сцепки из борон. А те, что были простыми зрителями, бросали горсточку зерна ржи в пашню, шепча своё заветное словцо-желание, вкладывая в него своё, потаённое. Ветерок развеивал красное полотнище флага, древко которого было закреплено в пахоте. Символ новой жизни, символ человеческих надежд. А самому посёлку становилось мало места, дома начали отвоёвывать место для себя у тайги, зашагали по берегам речек-ручейков. По Полёвке улица Заречная, по Леснушке улица Горка. Леснушка-приток Полёвки, а Полёвка уже приток Уфы. И жить бы, поживать бы, детей плодить бы, если бы не бы да кабы. Не может, ох, не может человек заглянуть в своё будущее да и прошлое очень быстро забывает. Кто из вас теперешних может назвать хотя бы по именам своих дедов и прадедов? Вот то-то же! А корни свои знать бы надо. Когда-то и прошлое и будущее знали Веды, но и их не пощадило время, что уж говорить о нас, их потомках. Не мало видно понадобилось столетий, чтобы начисто уничтожить человеческую память, превратить человека в зомби, Ваньку, не помнящего родства, превратить в раба обстоятельств. Работа, дом. Будь как все, не лезь поперёд батьки в пекло.

Нечаянная радость

Только вчера перекрыли крышу дома бабке Феклусье, а сегодня уже выпал снежок. Бабка жила одна. Мужа давно похоронила, а сынок сгинул где-то в чужих краях во время Гражданской войны. Люди помогали выжить старой, а в последнее время и колхоз стал помогать. Самато тоже дома не стала отсиживаться, пошла работать на новую птицеферму простой птичницей. А сынок ейный уходил не воевать, а искать свою суженую-ряженую да видать не судьба. А то, может, и до сих пор ищет, бродит по белу свету. Цыганка приходила, на блюдечке гадала, суженую ему показала и даже сказала где искать её надобно и, как не упрашивала мать остаться дома, не остался, ушёл. Всё же, хотя бабка и безутешна была в своём горе, но и к ней однажды заглянула нечаянная радость. Снежок выпал, покрыл земельку белым саваном, может на время, а может и до весны ужо. Поздним вечером управившись с хозяйством, бабка собралась уже и спать ложиться, молитву на сон грядущий прочитала перед иконостасом, но тут собака затявкала, предупреждая о появлении непрошенных гостей. – Кто бы это мог быть в такой неурочный час, неуж что на ферме приключилось? – Идя к дверям, думала она. На улице перед дверями стояла женщина, рядом с нею, держась одной рукой за материну юбку, а другой придерживая на груди пёстренького котёнка, посверкивающего из-под руки любопытными глазёнками, стоял пацан. Не смотря на приближающуюся зиму и довольно прохладный вечер, оба были одеты явно не по сезону. Бабкин кобель, завидев вышедшую хозяйку, добродушно тявкнул, с чувством исполненного долга заковылял за угол дома. Лет ему было наверняка не меньше, чем самой бабке, поэтому ему совершенно было не до гостей, скорее бы добраться до тёплой подстилки в конуре, а то ходят тут всякие... Женщина устало и робко смотрела на старуху, молчала, и лишь выкатившаяся слеза указывала на то, что появилась она на подворье старой не случайно. Бабка пригласила гостей в дом, усадила за стол, угостила чаем. Женщина и ребёнок были одеты по городскому, по летнему, в одном лёгком платьице, на ногах лёгкие боты на босу ногу, голова не покрыта. Тяжёлая русая коса переброшена через плечо, свисает ниже пояса, лицо женщины красивое, с ямочками на щеках, глаза словно омута в реке во время грозы, у рта отпечаталась горестная складочка, видать не лёгок был её путь по жизни, хотя так вроде и не скажешь... На вид ей было не более сорока лет. Старуха ни о чём не спрашивала, давая гостям прийти в себя, отогреться. После женщина опустилась перед нею на колени и заговорила: – Мне сказали, что вы и есть мама Ивана Согрина... А я, значит, буду женой вашего сына... С сыном, вашим внуком, пришла до вас... Хотите – привечайте, хотите – гоните, не венчаны мы, в войсковой части расписаны были...

Бабуля еле-еле удержалась на ногах от такого заявления, с трудом заговорила: – Что ж ты, доченька, на коленях-то, чать не чужая... А Иванушко-то где ж, почему с вами не пришёл?

– Нету больше Ивана, одни мы остались. С Иваном я познакомилась ещё в шестнадцатом годе, он к нам на фабрику устроился слесарем. Поженились в самый разгар революционных событий, в большевистскую партию вступили одновременно, потом и воевали вместе. Он пулемётчиком был на тачанке, я лошадьми управляла и ему помогала, на беляков и бандитов страх наводили. Потом вот ребёночек родился, я уж больше не могла за Иваном гоняться, вернулась на фабрику, там у меня хоть и худенький, но свой домишко от родителей оставался, да и на фабрике худо-бедно зарплату платили. Через полгода мой Иван после госпиталя домой вернулся, раненый был. Дома-то недолго и пожил, от ран и болезней вскоре скончался, похоронила его... Вот и остались мы с Васяткой сиротами. Просил Ваня, чтобы побывала у вас, проводывала, да попервоначалу всё никак выбраться не могла, парнишка малой был, да и могилку не хотела оставлять. А потом в окрестностях банда объявилась, напали среди ночи на рабочий посёлок, людей побили, дома и фабрику подожгли. Мы, в чём были, повыскакивали из горящих домов. А больше податься некуда, родни нет, вот и пошли до вас..

Невестка говорила, а сынок ейный, прижавшись щекой к пушистому котёнку, уже спал на лавке, накрытый тяжёлым бабкиным тулупом. До рассвета проговорили две женщины, вспоминая и горюя, плача, одна по сыну, другая – по мужу. Не отпустила никуда старая молодуху, пришлось ей остаться в селе.

Красный луг

Галина Ивановна всегда была при делах. Закончилась перепись населения посёлка и в Сельском Совете поймать её стало почти невозможно, разве что рано утром. Собрания партийной ячейки, приём новых членов партии, организация комсомольской ячейки, создание пионерской организации в школе, новостройки и прочие разные события не обходились без её участия. Не гнушалась Галя и физической работы, бралась за косу в сенокос, кидала охапки сена на остожье вилами наравне с мужиками, ловко управлялась молотком и топором на строительстве. Партийная ячейка села насчитывала 20 человек, комсомольская – более тридцати, а в пионерии были все, начиная с пятилетнего возраста и постарше, все щеголяли с повязанными красными галстуками, что очень смешило приезжих проверяющих из района. Летом ещё Илья предложил Гале стать его женой и она согласилась. Свадебку, как водилось испокон веков на селе, справили всем селом, всем миром. Колхоз дал молодожёнам новый дом, а жители помогли с мебелью и прочей утварью. Вот только счастья молодым отведено было очень мало. Небольшие мобильные группы лесных бандитов – отшельников не давали спокойно жить. По уезду то тут, то там нападали на хутора и небольшие посёлки, убивали активистов, разоряли хозяйства, жгли. В газетах часто писалось о проводимых ими зверствах. Недобитки из леса в одном из посёлков привязали девушку-трактористку к трактору, облили керосином и сожгли заживо. Закончилась война с внешними врагами, по стране гулял НЭП, но внутренний враг всё ещё не мог успокоиться. Грабежи, мародёрство, диверсии продолжались. Перед Новым годом заглянул в село начальник районной милиции, рассказал о внешней и внутренней политике на сходе, положении с правопорядком в уезде, пригласил желающих поработать в милиции. При этом особые надежды возлагал на Илью, так как несколько лет назад сам был у Ильи в отряде простым бойцом. Помимо Ильи ещё несколько человек согласились. На следующее утро Галя уже собирала своего ненаглядного на новую службу. Обещал, что скоро вернётся, как только расправится с бандитами, просил беречь дитя, носимое любимой женщиной под сердцем. Надолго ли уходил, неизвестно было, только ведь кому-то всё равно надо защищать свой Кусочек Родины от всякой нечисти. Притих посёлок. Умолкла звонкая балалайка Кости Заморокина, осталась висеть на стене отчего дома. И теперь по вечерам люди собирались в Галином доме, не давая ей скучать в одиночестве. Под гитару разучивали Галины песни и те, новые Советские, что удавалось записать в городе. Говорили о многом, девчата помогали готовить приданое для малыша... Днями была работа, Галя по-прежнему была не заменима повсюду и везде успевала. А оставшись одна, не могла не думать о муже и будущем ребёнке. Под гитару напевала ему колыбельные песенки или Полонез Огинского, разговаривала с ним, могла и всплакнуть. Деревенские пацаны под окнами день – деньской воюют друг с другом, а то лезут по окрестным горам в свободное от учёбы время и ничегоненьки не боятся. Ищут сладкую ягоду калины и рябины, черёмухи, прихваченную морозцем и недоеденную дроздами. Приносят и Гале, угощают. Уважают и любят её на селе и стар и мал. А на боевые посты вместо выбывших дружинников встали их подруги, молодые девчата. Дежурят на всех тропах и дорогах по два часа, больше на морозе не выдержать, не смотря на тёплые полушубки и валенки. Редко, но случаются и встречи с лихоимцами с применением оружия. Тогда на помощь поступают бойцы из резерва, постоянно находящиеся при штабе ДНД (добровольная народная дружина). Поговаривали, что в тайге объявился белый недобиток Мыльный, лютует с такими же отморозками в окрестностях и на дорогах. На крупные сёла не нападает, а вот мелким достаётся от него крепко, в том числе и хуторским жителям. Не раз и не два отряд Ильи вставал ему на хвост, встречался с Мыльным в открытом бою, но всякий раз тому удавалось уйти безнаказанно. Уйдёт в леса, зализет раны, поднакопит сил и снова выйдет, делает своё чёрное дело. Мечется под натиском милиции как загнанный зверь, уничтожая всех

и вся на своём пути. И чем крепче сжимается кольцо удавки, тем яростнее сопротивляется, бешенее становится и остановить его может только смерть.

От Ильи приходили с оказией коротенькие весточки-записки на клочках бумаги, обрывках газеты, даже на пачках из-под сигарет. Сообщал, что жив, здоров, что любит и ждёт не дожидаться повидать свою любимую жёнушку. Ожидая Илью, Галя часто выходила под тополя на берег, смотрела на заснеженную тайгу, скалы на другом берегу реки напротив посёлка, ребятишек, катавшихся с крутого берега на самодельных самокатах, и разговаривала с дитём или мужем.

— Где ты, где ты, мой любимый, писем долго нет... —

Илья писал, но не часто, редко ему выдавалось выкроить время для письма, да и проблемы были с передачей писем, почта на посёлок не ходила, а односельчан не часто встретишь. Отряд быстрого реагирования занимался не только разгромом бандитов по тайге, но и наведением порядка в самом уезде. Случалось в сёлах всякое и вмешательство милиции становилось жизненно необходимым. Галя и Илья собирались в это лето забраться на Соколиный камень, хотел Илья рассказать ей легенду об этом камне, причём рассказывать хотел только наверху камня, там, где происходили легендарные события.

— Где ж ты, мой любимый? Приди, послушай, как колотится сынок, на волю просится. Послушай, как бьётся маленькое сердечко нашего сына. Мы ждём тебя, любимый и желанный мой! Сыночек, не колотись так сильно, мамке больно...

Не пришёл Илья, не успел, не смог послушать сердце сыночка своего, насладиться любовью милой женщины. Всю-то зиму гонялся за бандитами, изгоняя их из пещёр и землянок, разбирался с жалобами населения, и некогда было ему хоть на минутку заглянуть в родной посёлок, обнять и приласкать жену. Не раз бывал всего лишь в нескольких километрах от села, что там по тайге десяток-другой километров таёжнику, бывалому охотнику, плёвое дело. Да только вот нельзя командиру ни на минуту оставлять свой отряд, ведь враг умён и хитёр, в любой момент может напасть.

— Как же ты управляешься без меня, родная моя, любимая?

— Грустно и скучно мне без тебя, любимый мой!

Зима выдалась на редкость малоснежной, но зато лютой на морозы. Колхоз ставил на полях с озимыми щиты снегозадержания, заготавливал хвойную лапку для прикорма коровам. В Усть – Маше открыли наконец-то отделение связи, раз в неделю почтальонка стала приносить почту и в посёлок, оставляла в Сельском Совете. По вечерам собирались люди в Совете около Галины Ивановны, читали письма, прослушивали новости из газет. И для всех-то находилось у Гали ласковое словцо, тихий грудной голос её, взгляд лучистых глаз действовали на людей лучше всяких лекарств, вселяя в людей новые надежды и радости. Люди заходили к ней и просто так, находя какой-нибудь повод, лишь бы лишний раз увидеть и услышать эту женщину, дарящую любовь бескорыстно. Приносили вязанные рукавицы и носочки, перешитые из старых шинелей будённовки, заделывали в посылки, отправляли в город для пересылки в воинские части. Так в хлопотах и заботах прошла зима. Вестниками весны опять же стали вездесущие пацаны, это они принесли с гор первые подснежники и лишь чуточку позднее появился первый грач. В тайге ещё лежал снег, а в посёлке было уже почти сухо и даже луг впервые за много лет зазеленел, покрылся травкой. До начала посевной ещё было предостаточно времени и председатель колхоза выехал в город на уездное совещание аграриев, так сказать, для обмена опытом. Для Никиты всё было внове и всё интересно, исписал не одну тетрадку, переписывая опыт других хозяйств, но что-то, какое-то предчувствие подспудно тревожило, ноющей болью отдавалось в сердце, словно чуя беду. Но как не хотелось ему бросить все городские дела и вернуться, всё же не мог...

А в это время злодейка-беда словно выжидала своё время, подкралась незаметно за матушкой весной. Лишь только более-менее сошёл с гор снег, ещё и грязь не обсохла и веш-

ние воды не отошли, а банда Мыльного вновь ожила. На постах дежурили по трое дружинниц, на большее людей не хватало, да и как-то уж очень не верилось, что кто-то может напасть на посёлок. Дежурили молодые девчонки, боевого опыта никакого, если не считать единичных стычек с ворами. Дружинницы зачастую просто сидели у костра и потихоньку перемывали косточки своим женихам... Находившийся на пути банды пост был снят без единого выстрела, девчонки даже и пискнуть не успели. Банду преследовал отряд красноармейцев, но они сумели на некоторое время опередить его, надеясь по льду реки Уфы уйти в тайгу, но в этот день удача отвернулась от них, на реке начался ледоход.

Сельчане любили этот день и все, от мала до велика, собирались на берегу, полюбоваться незабываемым зрелищем. Вышла и Галя, не удержалась, ей освободили местечко на скамеечке. Она тоже смотрела на плывущие льдины, улыбаясь шевелящемуся сыночку под сердцем и погожему весеннему деньку.

– Илюша, родной мой, приходи поскорее, послушай дитю нашу, на волю так и просится... Скоро уже...

Занятые созерцанием плывущих по реке вровень с берегами льдин, наползающих друг на друга, становящихся на дыбки со скрежетом и шумом, бульканьем воды, люди вначале и не заметили, откуда появились всадники на загнанных хрипящих лошадях, разбрасывающих хлопья пены. Жутко матерясь, давя лошадьми и избивая людей саблями и нагайками, они теснили людей за посёлок на луг. Уходить бандитам было некуда, по реке шёл лёд, а посёлок со всех сторон был окружён неприступными горами. Юродивый Тишка в это время сидел в Сельском Совете, разглядывал картинки в данном ему журнале, выглянул на шум. Один из бандитов прострелил древко флага и тот опустился к ногам Тишки. Юродивый поднял флаг и пытался спрятать его под свою рубашку, но бандит ударил его саблей... Некоторые из сельчан пытались по льду перебежать на другой берег и укрыться в кустах, но на плывущих льдинах они были отличной мишенью и бандиты отстреливали их как куропаток из винтовок и обрезов. Сгнав людей на луг, бандиты, не имея возможности уйти, бесновались, топчя людей конями, избивая нагайками и рубя саблями. Бегущих в поисках спасения расстреливали из пулемёта с тачанки. А со стороны посёлка доносился топот коней и крики «ура», это спешили на помощь сельчанам красноармейцы. Позабыв о мечущихся по лугу людях, бандиты повернули навстречу бойцам Красной Армии. Для Мыльного и его приспешников это был последний бой.

После кратковременного боя красноармейцы собирали тела убитых, подбирали раненых. Тела бандитов скидывали в котлован, сохранившийся от кирпичного завода, убитых колхозников и красноармейцев ложили в одну братскую могилу, вырытую на территории деревенского кладбища. Был составлен список всех убитых. Котлован был закидан глиной...

Во время побоища Галина Ивановна оказалась вблизи кладбища, была ранена, но сумела спрятаться в кустах, там и родила сынишку. Разорвала пуповину, завязала узелком, закутала ребёнка в свою кофточку и подложила под юбку полной убитой старушки, сама же попыталась отползти подальше, но потеряла сознание. Её подобрала красноармейцы и вместе с другими ранеными увезли в город. Ребёнка обнаружили, когда собирали трупы для захоронения, отдали поселковым женщинам, может кто и выкормит... Позднее Сеста выяснит, чей ребёнок и возьмёт его себе. Да и выяснять было нечего, в этот год беременной была только Галина Ивановна Русских. Сеста оставила новорожденному фамилию Ильи Никитина, его имя. А Илья в это время бился в смертном бою с другой бандой, где-то около Красноуфимска, с бандой атамана Сыщенко, из казаков. Там и был тяжело ранен, скончался по пути в город. Похоронили его тоже в братской могиле где-то в городе. Весть о гибели героя дошла до посёлка только по истечении месяца. А Галя долго лечилась, переходя из одного госпиталя в другой сначала в Красноуфимске, затем в Екатеринбурге. О гибели Ильи узнала от его сослуживца, тоже бывшего на лечении. От него же узнала и о гибели посёлка Лягаево.

Вернулся председатель в родное село и не узнал его. Плачем и стоном встречали люди его. Подошла дочка Сеста с тетрадкой в руках, выданной ей командиром войсковой части, в ней были перечислены все погибшие и захороненные на деревенской земле воины и простолюдины. Отец не признал бы дочь свою в этой враз поседевшей, с разбитым нагайкою лицом, женщине, стоявшей перед ним, если бы она не назвала его отцом. Ещё несколько дней назад очень живая, немножко взбалмошная девчонка-веселушка теперь превратилась в совершенно чужую, суровую женщину с пронзительными глазами, с глубокими горестными складками у губ и на лбу. Ещё вчера её чёрные как смола волосы сегодня стали белее снега... По лицу ещё стекают капельки сукровицы. И всё же, не смотря на такие страшные изменения, это была родная дочь председателя, его кровиночка, неузнаваемая, но живая. Никита прижал дочку к своей груди, забыв обо всём. Красноармейцы на лугу ещё закидывали котлован с бандитами глиной и землёй, курили, собирали трофейное оружие, переговаривались. Запела воинская труба, созывая бойцов и опустело село. Оставшиеся в живых окружили председателя, ожидая в молчании, когда он придёт в себя. А Никита смотрел на залитый кровью луг и в голове билось одно только «какой красный луг, какой...» В чувство его привели слова, проговорённые односельчанином:— Ну что же, председатель, немного нас осталось, давай решать будем, как станем жить дальше. Своими силами нам колхоз не поднять, а на днях надо будет в поле выходить...

Оглядел Никита односельчан, осмотром остался доволен. Не было около него равнодушных и запуганных лиц, решимостью и отвагой светились лица и понял тогда председатель, что с этими людьми можно не только колхоз поднимать, но и горы сворачивать и реки вспять повернуть.

В красном сне, в красном сне, в красном сне

Бегут солдаты, те, с которыми когда-то

Был убит я на войне...

Не сломили бандиты воли человеческой, а только ещё более укрепили и закрепили в своей правоте. И понял председатель, что не утешения ждут от него люди, израненные, помеченные пулями, нагайками и саблями, покрытые окровавленными бинтами, не утешения, а каких-то более значимых слов. Со слезами на глазах он заговорил: — Дорогие вы мои, односельчане, друзья, соратники и друзья, я... Предлагаю... Назвать наш колхоз и посёлок Красным лугом...

Вырвалось это из его уст как-то неожиданно, но у каждого перед глазами стоял луг с красной от крови травой, с листочков которой всё ещё скатывались красные бусинки. Аплодисменты были ответом.

— Пусть никогда не исчезнет память о павших товарищах, наших детях и женщинах, отцах и братьях, погибших сегодня за наше светлое будущее.

Поодиночке побить, вышибить из жизненной колеи любого можно, но победить коллектив нельзя. Дальнейшая жизнь доказала правоту сих слов. Оставшиеся семь единоличных хозяйств через несколько дней вступили в колхоз. Отныне и навеки Лягаево прекратило своё существование, посёлок стал называться «Красный луг», а колхоз «Краснолужским». Жизнь продолжалась. Несколько девчонок были направлены на курсы трактористов, до начала посевной нужно было освоить хотя бы вождение техники. Никита обратился за помощью в райисполком, чтобы помогли с людьми. Вскоре начали прибывать в посёлок первые переселенцы. Были среди них и раскулаченные и просто те, кто захотел поменять городскую жизнь на сельскую. Принимали всех, размещая в осиротевших домах и строя новые. Сеста стала председателем Сельского Совета вместо Русских. Избрали новых парторга и комсорга. Посёлок оживал, строился и увеличивался в размерах. Колхоз своевременно управился с посадками, колхозники засадили свои огороды. Поступили новые трактора и в этот год впервые земельку пахали не лошадами, а новейшей техникой.

А жизнь продолжалась

Освободился от колхозных забот председатель поздно, пришёл домой, наскоро перекусил и вновь засел за бумаги, надо было составлять отчёт о посевной для сельхозуправления. Составил отчёт, на большом листе фанеры принялся изображать новое название колхоза. Хотел дочку заставить, да улизнула ненаглядная к подругам, ищи ветра в поле. Вот и сиди теперь сам за таким не привычным делом, коли упустил дочурку. Пригорюнился мужик, благо никто не видит, вспомнил жену-покойницу, мастерица была рисовать, до сих пор её картинки в рамках на стенах висят во многих домах села и далеко за его пределами, сказывают, даже в самой Москве видели. Смахнул Никита невольную слезинку, негоже мужику плакать, да вот только не идёт дело никак, буквы вкривь и вкось пляшут по фанерке. Вошла Лидия Балдина, бросила около лавки довольно объёмистый узел с бельём, придерживая перебитую нагайкой руку, подошла к Никите, села на табуретку около.

– Была у меня радость, меньшей братишка, и того порубили гады, одна на всём свете осталась. Пришла вот... Люб ты мне с девичьих лет. Прогонишь, уйду из села насовсем, куды глаза поглядят, Россия – она большая, где-нибудь да приткнусь...

Не указал Лиде Никита на дверь, не опозорил женщину. Вроде б и не до свадьбы было, пришла и пришла, обошлись бы и так, очень уж тяжёлое бремя выпало на долю сельчан, но всё же бутыль самогона-первача нашлась. Собрались односельчане у председателя, свадьба не свадьба, веселье иль поминки, – всё перемешалось на той горькой свадьбе, но всё же у каждого нашлось для Никиты тёплое словечко, не осудили, душой и сердцем поняли этих двух одиноких людей. Понимали, не будь всеобщего горя, то и Лида не насмелилась бы прийти в этот дом, так и доживала бы свой век бобылкой, не хватило бы храбрости признать свою давнюю любовь. Никита не говорил о любви, ему достаточно было пока и того душевного тепла, что привнесла в его холостяцкую жизнь Лидия. Обострённым своим женским чутьём Лидия понимала, что теперь они будут навечно вместе, хотя и не может ей дать Никита, пока не может, и малой толики любви. А коль сразу не указал на дверь, то и быть по сему, видимо, и он сам созрел до женской поддержки. Сдал Никита за последнее время крепко, побелели русые волосы, сединой покрылась окладистая борода, горбилась спина под непосильным грузом, себя считал виновным в гибели людей, как будто смог бы им чем-то помочь, защитить, а у самого-то даже завалящего охотничьего ружьишка отродясь не бывало. Была комиссия из города, искали виновных в гибели людей, да только никого не нашли, списали всё на внезапность и быстроту нападения бандитов на посёлок. Дружинники, что успели схватиться за оружие, погибли в первые же минуты. Веда, Бабина Инесса, успела проклясть бандитов и предсказать им скорую гибель, но заговор во спасение сельчан не успела произнести, сражённая меткой пулей уснула навеки. Несколько человек, пораненных, но живых, унесло на льдинах и через несколько дней они возвращались домой, полеченные и выловленные жителями ниже лежащих по реке посёлков. А Галина Ивановна Русских больше в посёлке не появлялась, слишком горьки были её воспоминания о деревне Лягаево, последних часах жизни сыночка и всего посёлка, она-то ведь считала, что бандиты полностью уничтожили посёлок. Не могла знать, что посёлок остался жить, но получил новое название. После лечения долгое время ещё моталась по белу свету, выполняя указания партии и, лишь перед Отечественной войной вернулась в Красноуфимск. Замуж больше не выходила, по-прежнему Илья оставался для неё самым родным и близким человеком, живым. Попытки найти его могилку ни к чему не привели, а раз нет могилки, то и человек жив! В газетах часто писалось о Краснолужском колхозе, но Галя ни о чём не догадывалась... Мелькали и знакомые фамилии, ну да мало ли однофамильцев на свете? Да и ни к чему ворошить прошлое, надо жить настоящим. Сердце молчало, оберегая

женщину от новых потрясений. А сын её, Илья Ильич Никитин, вырос в семье Сесты и погиб уже в Отечественную, защищая рубежи Родины.

После продолжительной болезни, связанной с покушением на Ульянова-Ленина в августе 1918 года Фанни Каплан, Ленин скончался. По одной версии связано это было с ранением, по другой-вроде как И. В. Сталин-Джугашвили помог ему уйти, подсунув яду. Россия оделась в траур. Несколько месяцев временно исполнял обязанности генсека Берия, но его быстренько убрали. К власти добрался Сталин. Начался новый этап развития русской страны и её народа. Позднее Галина Ивановна не раз вспоминала свои встречи с хвостатой подземной жительницей, сравнивала её предсказания с происходящими в России событиями и убеждалась, насколько та была права и дальновидна. Помимо того, что Галя перенесёт все выпавшие на её долю невзгоды и помрёт в глубокой старости дома, разговор шёл и о судьбе родины-матушки России.

– Закончатся войны в тридцатых годах и прекратится хаос новой экономической перестройки, но мирной жизни для россиян не ожидается, каждое поколение встретится с войной. Войны будут не обязательно в самой России, но наши парни будут направляться в виде помощи братьям... Умрёт вождь пролетариата, начнутся поиски внутренних и внешних врагов, а значит и будут новые убийства и предательства. В июне 1941 года начнётся война с фашизмом и закончится великой победой русского народа в мае 1945. Произойдёт смена правительства, будет оттепель и будут заморозки, наступит некоторое затишье перед бурей. Затем новая война в Афганистане, которая после 1990 года перерастёт в распад СССР, начнутся конфликтные войны, делёж лакомого пирога Советской республики. И как следствие, массовое полномасштабное наступление на Россию по уничтожению русского народа. В 2012 году произойдёт квантовый скачок, переход человечества в новое измерение, начнётся война Добра со Злом на Вселенском уровне. 2014 год будет переломным в этой войне...

– А вы вернётесь на землю?

– Не уверена, наша судьба зависит от поведения людей... Слишком много у людей злости и нетерпимости.

– Кто же вы?

– Мы... Тоже люди, хотя и чуточку не такие... У нас нет агрессии, жадности, зависти. Мы просто живём...

– Спасибо за откровенность... А почему ты без одежды?

– Зачем? Мы не мёрзнем в мороз, не ищем прохлады в жару, сам организм поддерживает нужную температуру для жизни.

– Вот бы нам так...

– Завидуешь?..

– Нет, просто констатирую факт, всё-таки разные мы...

– Ты насчёт хвоста? Так тут разница не большая, предки-то у нас общие... Просто у нас хвостик длиннее, всё зависит от среды обитания, в пещерах он нам необходим для исследования труднодоступных мест, преодоления препятствий. У вас тоже есть хвостик, но он вам не нужен, поэтому спрятан и называется по вашему аппендикс. Дотронься до меня, я точно такая же девушка, как и ты, из плоти и крови, и так же смертна, только умираем мы от насильственной смерти, а не от старости.

А годы шли

Притупилась боль утрат близких людей и надо было жить дальше. Родила Лида Никите двойняшек, двух крепких пацанчиков, а года через три осталась вдовой. Спасая во время ледохода попавшего в оползень пацана Оксаны Вересковой, председатель простудился и скоропостижно скончался от крупозного воспаления лёгких. К тому времени Лида работала секретарём Сельского Совета. После похорон пришли к ней сельчане и упросили перейти в колхоз на место мужа, даже и поплакать-погоревать не дали. Сход утвердил кандидатуру.

Давно уже закончилась Гражданская война, было покончено с интервенцией, но до сих пор ещё продолжались эсеров-кулацкие мятежи, подавляемые отрядами самообороны и красноармейскими регулярными частями, силами милиции. Кулаки и середняки выступали против продовольственной политики и других социальных мероприятий Советской власти, против комитетов деревенской бедноты и против мобилизации крестьян в Красную Армию. Как бы там ни было, но борьба велась более чем успешно. Почти полностью были уничтожены лесные банды. Страна вставала на путь восстановления разрушенного хозяйства. Царствовал НЭП, цвела земля-матушка, и рос посёлок на берегу реки Уфы. И дел хватало. На новую ферму завозили племенных коров, на птичник – индюшек и кур. Срочно уезжали учиться на специалистов сельского хозяйства юноши и девушки. Возвращались из дальних краёв демобилизованные бойцы – красноармейцы. Илья Никитин до призыва в ряды Советской Армии успел жениться на соседней девушке Ирине Трифановой, в армии остался на сверхсрочную, стал офицером пограничником и был направлен на границу Белоруссии. Получил краткосрочный отпуск и приезжал в посёлок за своей женой, чтобы уже вместе ехать к новому месту службы. Рос и строился Красный луг, тесновато ему было на крутом берегу, приходилось отвоёвывать место у тайги. Начались годы первых пятилеток и больших строек. Молодёжь хотела повидать мир, срывалась с насиженных мест и мчалась по призыву партии и комсомола неизвестно куда, неизвестно зачем. Романтика звала вперёд! Это был период величайшего душевного и физического потенциала. Молодёжь разбегалась из села и никакие силы и уговоры не помогали, не могли остановить. Получивших на руки красные корочки путёвок не смели задерживать на предприятиях, это было чревато руководителю предприятия, могли обвинить в противодействии политике партии и попросту расстрелять, как врага народа. С большой неохотой отпускала молодых Лидия Семёновна, зная, что не скоро они возвратятся в отчий дом, да и вернутся ли? Рос колхоз, росла Россия, росли и потребности в сельскохозяйственной продукции. Колхозу нужны были молодые сердца и руки, и тогда через районную комсомольскую организацию Лидия пошла на хитрость, теперь всем бегущим давали направление в Краснолужский колхоз. Молодые обижались, но против решения горкома перечить не смели. Да и председателя колхоза понять тоже можно, от стариков-то пользы мало, силы не те уже. А тут ещё и конкуренты появились, открылся Айский леспромхоз и лесничество. В отличие от колхозных трудодней там регулярно выплачивали зарплату деньгами. Мечтала Лидия Семёновна о таких деньгах и для колхозников, но пока таковой возможности не было. Хватит пока и того, что радио провели по Прямушке от Усть-Маша, телефоны поставили в Сельсовете и Правлении. Теперь посёлок уже не казался таким отрезанным от внешнего мира. В клубе проводились репетиции, ставились концерты силами деревенской молодёжи. А вот в летнее время молодёжь предпочитала вечера встречать по старинке, на полянке на берегу реки за посёлком. Там под балалаечный перезвон пели, плясали, плакали, провожая друзей в Армию и на Всесоюзные стройки. К зиме миром купили для клуба патефон и пластинки, в зимнее время в клубе собирались и на тусовки и для свадеб. Изредка привозили немое кино, но на это чудо посмотреть сбегалось всё село, каждому хотелось покрутить ручку проектора, дотронуться до горячей лампочки Ильича. Мест в клубе не хватало и показ фильма шёл по несколько раз. А разговоров-то!

– И умирать-то теперь не хочется, гли-ко сколь всего интересного есть на белом свете, досель и не виданного! Спасибо коммунистам! Счастье-то какое выпало, пожить в такой стране, где всё для народа! И то, раньше во сне не снилось даже, что когда-нибудь будем сами писать, считать, книги читать, газеты, патефон и радио слушать, кино про другие страны смотреть...

Хуторяне

А на противоположном от посёлка берегу реки Уфы появились два новых хутора. Один хутор напротив Прямушки, второй километрах в трёх вверх по течению (это если идти пёхом или на лошадке через брод и по лесу, если плыть на лодке по реке, то будет намного ближе). На том хуторе, что в верховьях, поселилась многодетная семья. Многие могли бы работать в колхозе, но почему-то хозяйка хутора, Варвара Ивановна, не захотела жить на селе, настояла на хуторском житие-бытие. Лидия Семёновна предлагала им добротную хибару, но они так и не согласились. Сначала поставили на берегу оврага приличную землянку, а к зиме и домик из тонкомера сгоношили. Хозяин хутора, Веснин Константинович Илларионович в недавнем прошлом был учителем словесности, но, опять же, по настоянию жены вынужден был отойти от сих дел, хотя любовь к детям и школе осталась на всю жизнь. Был хозяин из себя виден, крепок и статен, обладал немалой силой. Одно слово – казак! Впрочем, родиной он был с Украины, из станицы Красносёлка Винницкой области (ныне Белорусия), в казаки попал лет четырнадцати и служил в царском казачьем 38 полку на Дону. Своего лихого казака не могла Варенька спокойно дожидаться с работы, много понимаете ли вокруг него увивалось молодых и красивых девиц, того и гляди, -уведут... И сама, что не год, исправно рожала по дитёнку. Не все из деточек приживались на белом свете, но и тех, что остались, было предостаточно. Чтобы прокормить всю эту ораву, требовалось немало сил и средств, а на первое время в хозяйстве имелась худенькая лошаде́нка да коза непонятной породы. Однако ж, опять же, с помощью сельчан обустроились, обзавелись скотом, развели пчёл, посадили огород. В первое время развешивали с помощью старших сыновей по тайге дуплянки для пчёл, позднее прикупили ульи и прочее пчеловодческое оборудование. А сначала дуплистый мёд был единственным источником поступления денег в хозяйство. Расчистили от кустарника и деревьев полянку, в первый же год посадили коноплю и картофель. Сначала хуторяне почти и не заглядывали в посёлок, своё хозяйство требовало полной отдачи. Это несколько позднее сам хозяин стал появляться на селе, а за ним и молодёжь потянулась. Бывая на селе, Константин всякий раз останавливался около школы, улыбаясь, слушал гомон ребятишек, а иногда, не в силах совладать с собой, заходил в школу, подолгу разговаривал с молодой учительницей, советовал, как найти подход к тому или иному сорванцу. По всему чувствовалось, что со школьными проблемами знаком не понаслышке, и, похоже, был когда-то не плохим учителем. В школе же теперь он был желанным гостем. Подолгу также просиживал и в правлении колхоза, стараясь вникнуть во всё, а иногда и подсказывая нечто дельное. Лидия Семёновна не торопила мужика, чувствовала, придёт время, и сам он придёт в колхоз. Узнав все новости и послушав радиопередачи из орущего со столба динамика, горбясь под тяжестью вещевого мешка с набранными в лавке товарами в обмен на звериные шкурки, шёл Константин домой. По дороге всегда останавливался около придурковатого от старости деда, Ильи Никитина, прожившего на свете не много ни мало что-то около 120 лет. У того всегда была одна неотвязная забота

– Сынок, ты часом корову на продажу не имеешь? Дойную надо...

– Зачем тебе, деду?

– Давеча в лавку ходил, спрашивал, так продавщица Нинка говорит, что есть корова, только яловая и ждать не известно сколько ещё, а я молочка хочу, парного... Смертушка вот не идёт всё, пропащая душа, заблудилась где-то...

– А ты, дед, к дояркам в колхоз сходи, не обидят поди, кружечку молочка-то нальют...

– Они-то не обидят, но своё-то вкуснее...

Смеялась продавщица над стариком не без горечи, за шуткой прикрывая своё потаённое – взял бы кто замуж, побёгла б, хоть за столетнего старца. Рада бы и с замужним сгульнуть да жён своих бояться наши мужики хуже смерти, трусливые, им бы не брюки носить, а юбки...

В самом расцвете девка, мужики по ночам снятся. Ох, как бы с ума не сойти! Вот только бойка была девка на язычок и на кулачок крепка, потому из местных сердцеедов и не доводилось предложить ей руку и сердце.

Константин Веснин всё же вступил в колхоз. Драл лыко, отмачивал в болотине, из полученного мочала делал гужи, чересседельники, вожжи. Из колхозных заготовок делал хомуты для лошадей. Заготавливал впрок оглобли, дуги, делал конные санки. Всё сдавал за трудодни в колхоз. Как-то принёс пару лаптей, их тут же взяли, были они лёгкими, прочными и очень удобными для ношения в летнюю пору. С тех пор отбою не стало, завалили хуторянина заказами. Пришёлся сельчанам мужичок по душе, трудолюбив, безотказен и необидчив, честен до мелочей, всегда готов оказать посильную помощь любому, кто нуждается, а это здесь ценилось выше всяких денег. Лидия Семёновна быстро поняла этого человека и, пользуясь его слабостями, зачастую нещадно эксплуатировала его то на сенокосе, то на заготовке других кормов. При этом не забывала и о награде за труд, то отрез на платье для жены выделит, то ребятишкам подарки, то лишний трудодень припишет, а в целом, нравился ей он не только за безотказность и умение работать, но и как желанный мужчина. Хотя в чём угодно могла признаться председателю, но в этом она и себе бы никогда не призналась. Как-то Константин сделал лёгкую кошовку для выездов хуторянину Генке Быстрову, жившему ещё выше по течению, этак километров с десяток, и тот в благодарность привёл к Весниным на хутор молодого жеребчика, прозванного Варварой Карькой. Свою кобылку Костя сдал в колхоз, а взамен получил другую, более породистую. От этих лошадок в дальнейшем и пошло потомство выносливых с ильных колхозных лошадей. Много было Косте и других заявок. Зимой по зимнику, летом через брод, приходили мужики и бабы кто за туеском для ягод и грибов, кто за ивовым ковриком под двери, кто за бочонком для солений... Быстряков Пашка приволок однажды ребятишкам на забаву щенка, бывшего чуть поболее рукавицы, а выросшего в огромного волкодава, росточком с огромного телёнка. Урман, так его прозвали, тайги не боялся, был умён и хитёр, не боялся и брал любого зверя, будь то лось, или медведь, не говоря уж о своре собак, с которыми расправлялся играючи. Густая длинная шерсть спасала от укусов, и во всех потасовках Урман был победителем. Домашнюю живность сам не трогал и другим в обиду не давал, даже кошку не гонял, которая иной раз и котят даже у него в конуре рожала, а он в это время сторожко оберегал её. Стоило сказать ему «Гони корову домой, доить пора,» тут же бросался в лес, находил и пригонял корову домой. Замки на двери хуторяне никогда не вешали, как и поселковые. Когда уходили, ставили к двери кол, это значило, что дома никого нет. И только-то.

Старшие дети Весниных, Иван и Миша, работали в леспромхозе на валке леса и погибли в одно время, один бросился спасать другого от падающего дерева, обоих и накрыло. Скончались оба уже в медпункте, в ожидании Скорой помощи. Погоревали Веснины, да что поделаешь, жизнь не стоит на месте.

Константин жалел и берёг свою Вареньку, сам управлялся со всей тяжёлой работой в колхозе и дома. К тому времени в хозяйстве появилась корова-ведёрница, пара бычков, до десятка кур и гусей, по паре овец и коз, украинские сальные свиньи белой породы. И даже приблудились парочка диких уток, кои и на зиму улетать не хотели, так и жили в сарае с курами, давая потомство уже одомашненных уток. Основной заботой Вари было прокормить многочисленное семейство и приготовить корм для скота, детей накормить, одеть и в школу отправить. Старшие уже женихались, на вечерки бегали. Варенька на колхозные работы выходила редко, в основном на заготовку сена или силоса, а так ей и дома хватало работы. Впрочем, официально в колхозе она числилась помощницей Кости и даже ей начислялись трудодни. И то, как бы он без неё управлялся! А в целом семью не очень притесняли, поскольку колхоз имел от них не малый доход, ведь за телегами и санями, упряжью для лошадей приезжали чуть ли не со всей области. Константин вечно был занят работой, то верёвки вьёт из лыка, то валенки подшивает... Ребятишки тоже дома не сидят. Варенька и привыкла постепенно разговаривать вслух

сама с собой да с живностью, что оказывалась рядом. Что поделаешь, если муженёк работой занят, слова не вытянешь, а так всё хоть голос живой слышен, а то, чего доброго, и говорить разучишься. Со временем эти разговоры вслух для себя вошли в привычку. И не приведи Господь появиться в доме гостю, заговорит любого... Обо всём на свете без каких-либо переходов и отдыха: Погоде, урожае, корове и Урмане, который вчера в огороде матёрого волка забил, про детей и мужа, о чертях и ведьмах, которых в округе видимо-невидимо, колхозных делах и ещё о многом, что для неё казалось особенно важным. Порой и врала безбожно, но и сама верила в своё враньё и в таком случае оспаривать её не имело смысла, можно было нажать в её лице врага. Константин, если был дома, только поддакивал да подначивал, никогда не подсмеиваясь над нею, а она как тот петух в басне Крылова, говорила и говорила с ещё большим азартом, радуясь слушателю. Костя и сам был рад её болтовне. Сам же не любитель был, лишнего слова не вытянешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.